

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2016
XXV

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1288
EXPRESS-ISSUE

2016 № 1288

СОДЕРЖАНИЕ

- 1811-1827 Горячие точки таксономии гусеобразных фауны России и сопредельных регионов.
Е. А. КОБЛИК, Я. А. РЕДЬКИН
- 1827-1831 Сравнительный анализ летнего населения водоплавающих птиц в Северо-Казахстанской области в 2014 и 2015 годах.
В. С. ВИЛКОВ, И. А. ЗУБАНЬ,
М. Н. КАЛАШНИКОВ
- 1831-1836 Находки некоторых редких и охраняемых птиц в Суздальском районе Владимирской области.
Т. С. ДЕВЯТКИНА
- 1836-1837 О залётах фламинго *Phoenicopterus roseus* в Киргизию.
С. В. КУЛАГИН, А. Н. ОСТАЩЕНКО,
С. С. САГЫМБАЕВ
- 1837-1841 О первой гнездовой находке рябинника *Turdus pilaris* в Волго-Ахтубинской пойме (в пределах Калмыкии).
В. М. МУЗАЕВ
- 1841-1842 К гнездовой биологии филина *Bubo bubo* на Юго-Восточном Устюрте (Туркменистан). В. П. ШУБЕНКИН
- 1842-1844 Осенний пролёт водоплавающих птиц на озере Большое Раковое. В. А. МОСКАЛЁВ
- 1844-1845 К орнитофауне города Томска.
С. П. МИЛОВИДОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXV
Express-issue

2016 № 1288

CONTENTS

- 1811-1827 Taxonomical «hot spots» in anseriform fauna of Russia and the adjacent territories.
E. A. KOBLIK, YA. A. RED'KIN
- 1827-1831 Comparative analysis of the summer population of waterfowl in North Kazakhstan region in 2014 and 2015.
V. S. VILKOV, I. A. ZUBAN,
M. N. KALASHNIKOV
- 1831-1836 Findings some rare and protected birds in the Suzdal Raion of the Vladimir Oblast. T. S. DEVYATKINA
- 1836-1837 On the vagrant flamingos *Phoenicopterus roseus* in Kyrgyzstan.
S. V. KULAGIN, A. N. OSTASHCHENKO,
S. S. SAGYMBAEV
- 1837-1841 The first nest record of the fieldfare *Turdus pilaris* in the Volga-Akhtuba valley (within the boundaries of Kalmykia). V. M. MUZAEV
- 1841-1842 To breeding biology of the eagle owl *Bubo bubo* in the South-East Ustyurt (Turkmenistan). V. P. SHUBENKIN
- 1842-1844 The autumn migration of waterfowl on the lake Bolshoe Rakovoe. V. A. MOSKALEV
- 1844-1845 To avifauna of the city of Tomsk.
S. P. MILOVIDOV
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St. Petersburg University
St. Petersburg 199034 Russia

Горячие точки таксономии гусеобразных фауны России и сопредельных регионов

Е.А.Коблик, Я.А.Редькин

Второе издание. Первая публикация в 2004*

По сравнению с другими отрядами птиц, Anseriformes в целом выглядят хорошо изученными. Однако, несмотря на пристальное внимание к гусеобразным многих орнитологов, систематическое положение и таксономический статус некоторых представителей этого отряда всё ещё далёк от однозначного толкования. Более того, периодически возникают новые разногласия относительно трактовок тех или иных форм. Такое положение объясняется несколькими причинами.

Во-первых, образование смешанных пар и гибридизация – частое явление среди гусей, уток, лебедей не только в вольерных условиях, но и в природе (Gray 1958; Панов 1989; Gillham, Gillham 1996). Встречаются двойные и тройные гибриды, гибриды между представителями разных родов и даже триб. Порой происходит возвратное скрещивание плодовых гибридов с «родительскими» видами. Часть форм, очевидно, потеряла видовой статус в результате поглотительной гибридизации, а некоторым формам это угрожает в скором времени. Таким образом, систематикам бывает сложно применить критерий репродуктивной изоляции к спорным таксонам уровня вид/подвид.

Во-вторых, существует заметная разница таксономических трактовок в зависимости от концепций систематических школ. Определённую роль в той или иной интерпретации объективных данных играют степень консерватизма или новаторства школы, полнота владения информацией. В основе большинства классификаций гусеобразных второй половины XX века лежат работы Ж.Делякура, Э.Майра, П.Джонсгарда (Delacour, Mayr 1945a,b; Delacour 1956, 1959 – цит. по: Поповкина, Поярков 2002; Johnsgard 1978, 1979). Система П.Джонсгарда (с незначительными изменениями) использована в фундаментальных зарубежных сводках и каталогах птиц мира (например, Morony *et al.* 1975; Howard, Moore 1991; Carboneras 1992). В противовес современным общим тенденциям в систематике птиц эти варианты классификации гусеобразных, как и альтернативная система, базирующаяся на признаках сходства молекулярных структур (Sibley, Monroe 1990), демонстрируют «объединительский» подход на родовом и видовом уровнях.

* Коблик Е.А., Редькин Я.А. 2004. Горячие точки таксономии гусеобразных фауны России и сопредельных регионов // *Казарка* 10: 47-65.

Вместе с тем, в самой последней сводке (Dickinson 2003) в классификации Anseriformes, базирующейся на работах Б.Лайвези (Livezey 1986, 1991, 1995a,b,c, 1996a,b,c, 1997a,b,c) некоторые таксоны оказались вновь разукрупнены. Системы, используемые в сводках и каталогах отечественной фауны птиц (Птушенко 1952; Исаков 1952; Иванов 1976; Степанян 1975, 1990, 2003), в целом сохранили более «дробительскую» концепцию, восходящую к работам российских систематиков XIX – первой половины XX веков (Мензбир 1895; Бутурлин 1935), что в некоторых случаях оправдано, в других же выглядит анахронизмом.

Наконец, бурно развивающаяся молекулярная систематика предлагает для ряда форм свои таксономические трактовки, в корне отличные от трактовок «традиционной» систематики. Как правило, эти решения имеют явный «дробительский» уклон и порой выглядят весьма неожиданными. Тем не менее, игнорировать эти данные нельзя.

Несомненно, наиболее широко применяемая в нашей стране система таксонов гусеобразных (Степанян 1975, 1990, 2003) нуждается в модернизации с учётом новых фактологических данных и таксономических подходов. Вместе с тем, общепринятые зарубежные классификации грешат недоучётом фактов, касающихся статуса и взаимоотношений некоторых форм именно в России, и полное копирование «западных» схем стало бы шагом назад. Разногласия между отечественными и мировыми таксономическими трактовками касаются 6-8 видовых и 7 родовых названий. На наш взгляд, ряд удачных решений стоит заимствовать, к другим же надо отнестись критически и остаться при собственных взглядах. При этом достижение полного консенсуса существующих систем (включая базирующиеся на молекулярных данных) вовсе не обязательно, по крайней мере, в ближайшем будущем. Тем не менее, определённое взаимное сближение и поэтапное приведение их к «общему знаменателю» всё же представляется важным, исходя как из научных, так и из прикладных задач.

Трактовки таксонов родовой группы

Для ряда таксонов гусеобразных родового ранга наиболее предпочтительной выглядит трактовка *sensu lato* с приданием группировкам более близких друг к другу видов статуса подродов. Такой подход, с широким использованием подродовых категорий, оказывается вполне в русле отечественной систематики птиц, и активно пропагандировался, в частности, С.А.Бутурлиным и Л.С.Степаняном. В мировой практике он, например, давно применяется к роду **речных уток** *Anas*. В широком понимании этот род объединяет до 40 видов, некогда распределённых по нескольким (до 18) мелким родам, ныне большинством систематиков квалифицируемым как подроды. По сходной схеме строится подродовая систематика в родах *Cygnus*, *Tadorna*, *Vicperphala*,

Somateria, и она не вызывает разночтений у отечественных и зарубежных исследователей. Ситуация с **гусями и казарками** ничем принципиально не отличается от описанных и соответственным образом трактуется в большинстве классификаций. Более того, все 10 видов «настоящих» гусей демонстрируют гораздо большее сходство между собой как по морфологическим, так и биологическим критериям, чем виды из разных группировок рода *Anas*. То же самое можно сказать и о казарках. Таким образом, роды *Chen*, *Philacte*, *Eulabeia*, *Cygnopsis*, по традиции выделяемые в отечественных сводках начиная с середины XX века, должны включаться в качестве подродов в род *Anser sensu lato*, а род *Rufibrenta* – в род *Branta sensu lato*. Кстати, именно такой трактовки придерживался С.А.Бутурлин (1935).

Вероятно, следует поддержать также выделение из рода *Anas* в монотипический род *Marmaronetta* **мраморного чирка**, по ряду признаков тяготеющего к ныркам *Netta* и чернетям *Aythya*, и даже перемещённого из трибы Anatini в трибу Aytini, согласно данным Б.Лайвези (Livezey 1986, 1996a). Включение мраморного чирка в род *Anas* было данью объединительским тенденциям в систематике, господствовавшим в середине XX века, в частности, принятию максимально широкой трактовки рода *Anas*. Широкая трактовка последнего и сейчас выглядит вполне оправданной, однако некоторым «уклонившимся» видам сейчас нередко возвращают родовой статус, основываясь на новейших генетических и морфологических данных (Dickinson 2003).

Выделение **лутка** *Mergus albellus* в самостоятельный род *Mergellus* (Livezey 1995a, Sangster *et al.* 1997, рекомендации АОУ 1983, 1998; BOURC 1996) – несколько более дискуссионный шаг. По Л.С.Степаняну, луток обособлен от других крохалей на уровне монотипического подрода *Mergellus* в составе рода *Mergus*. Отметим, что до середины XX века род *Mergellus* считался валидным во многих работах, в том числе отечественных (Бутурлин 1935, Тугаринов, Козлова 1951), но затем на волне «объединительской» парадигмы в систематике был включён в род *Mergus*. Основанием для нынешнего возвращения таксону более высокого статуса стал аргумент, что по многим морфологическим и биологическим характеристикам луток заметно отличается от других крохалей и тяготеет к роду *Vucephala* (Livezey 1995a). Подобный прецедент известен – ныне практически не встречающееся возражений выделение из рода *Somateria* в самостоятельный род *Polysticta* сибирской гаги на основании «промежуточности» ряда признаков последней между остальными гагами и представителями родов *Clangula*, *Histrionicus* и др. (Humphrey 1958).

Ситуация с крохалиями, однако, не столь однозначна. Из рода *Mergus* в самостоятельный род *Lophodytes* предлагается выделить и американского капюшонового крохалия *M. cucullatus*, морфологически вы-

глядящего «переходным звеном» от лутка к «настоящим» крохалям (Livezey 1995a; Sangster *et al.* 1997, рекомендации АОУ 1983, 1998; BOURC 1996). Этот вид безоговорочно включали в род *Mergus* даже исследователи, выделявшие лутка в род *Mergellus* (например, Бутурлин 1935). Согласно данным Б.Лайвези (Livezey 1986, 1995a) род *Lophodytes* – сестринская группа по отношению к роду *Mergus*, тогда как *Mergellus* – к роду *Vucephala*. Это мнение отражено в каталоге Э.Дикинсона (Dickinson 2003), где фигурируют монотипичные роды *Mergellus*, *Lophodytes* и политипический род *Mergus*. Однако исследования других авторов (Donne-Gousse *et al.* 2002) показали, что капюшоновый крохаль и луток – очень близкие виды и составляют сестринскую группу к остальным крохалям, а вовсе не к роду *Vucephala*. Согласно этой точке зрения, луток и капюшоновый крохаль либо должны быть выделены в один самостоятельный род (приоритет имеет название *Mergellus*), либо (при сохранении объединительского подхода) остаться в монофилетическом роде *Mergus* в качестве представителей подрода *Mergellus*. Из соображений «таксономической стабильности» последнее решение поддерживается AERC TAC (2003).

Учитывая вышеперечисленные противоречия трактовок, а также принимая во внимание общие специфические черты дискутируемых видов (сходная трофическая специализация в сочетании с географическим викариатом, особенности окраски, брачного поведения), наиболее приемлемым на сегодняшний день нам видится решение о разделении рода *Mergus* на *Mergus* и *Mergellus*, с возможным выделением в составе последнего монотипических подродов *Mergellus* (*M. albellus*) и *Lophodytes* (*M. cucullatus*).

Трактовки таксонов видовой группы

В отношении понимания объёма видов и их номенклатуры положение выглядит гораздо более сложным. Существует несколько пар близкородственных таксонов, в отношении систематического статуса которых в отечественной и иностранной литературе по сей день не существует единого мнения. Так, традиционно имеющие у нас видовой статус **малый лебедь** *Cygnus bewickii*, **американская синьга** *Melanitta americana* и **горбоносый турпан** *Melanitta deglandi* в большинстве классификаций считаются лишь подвидами (или группами подвидов) **американского лебедя** *C. columbianus*, **синьги** *M. nigra* и **обыкновенного турпана** *M. fusca* – видов, имеющих голарктическое (циркумполярное, циркумбореальное) распространение (Howard, Moore 1991; Carboneras 1992; Dickinson 2003).

Районы пространственных контактов членов этих проблематичных «пар» находятся именно в России: турпанов – в Средней Сибири, синьг – в Восточной Сибири, лебедей – на Чукотке. Между тем отсутствие или

ничтожное число (Панов 1989) несомненных гибридов между перечисленными формами в районах контакта не даёт оснований считать их конспецифичными (и это при общей «склонности» к образованию гибридов у гусеобразных!). Похоже, что принятые за рубежом концепции отнесения комплексов этих рас к единым видам основаны лишь на не совсем верном представлении об их географическом викариате при внешнем и экологическом сходстве, а эпизодичность гибридизации объясняется их аллопатрией. Отечественная трактовка этих форм в качестве близких, но самостоятельных видов выглядит более корректной и приемлемой, по крайней мере, до появления новых данных по морфологии и генетике. Ни один из этих комплексов даже не попал в число сложных таксономических случаев в фауне СССР (Степанян 1983)! Однако ситуация с каждой «парой» имеет ряд специфических особенностей.

Мнение о конспецифичности евразийских и американских тундровых лебедей основано в первую очередь на том факте, что единственный устойчивый диагностический признак – окраска клюва – в сочетании с географическим викариатом не является достаточным основанием для придания формам *bewickii* и *columbianus* видового статуса. Тем не менее, известна область парапатрии обеих форм на Чукотке, в пределах которой зарегистрирован лишь один случай размножения смешанной пары (Кищинский и др. 1975; Кищинский 1988). В аннотированном перечне гибридизирующих видов Е.Н.Панов (1989) приводит данные о двух фактах находок таких пар на гнездовье, 4 пар и 10-20 гибридов в местах пролёта и зимовок. Кроме того, Е.С.Птушенко (1952) и Б.Лайвези (Livezy 1996b) указывали на существование некоторых качественных морфологических различий между *bewickii* и *columbianus*, что в свою очередь подкрепляет точку зрения об их видовой обособленности, принятую в ряде современных работ (Степанян 1990, 2003; Gantlett *et al.* 1996). Единичные факты находок «черноклювых» птиц в зимовочном ареале *bewickii* и «желтоклювых» в ареале *columbianus* на значительном удалении от зоны пространственного контакта рас (Нидерланды, Атлантическое побережье Северной Америки, данные AERC TAC 2003) могут рассматриваться как проявления индивидуальной изменчивости, как следствия отдалённого проявления некоторой интрогрессии генов, либо как дальние залёты, однако, в любом случае не опровергают точку зрения о видовом статусе этих форм.

По мнению Е.Е.Сыроечковского младшего (Syroechkovksi 2002), ареалы двух тундровых лебедей пришли в соприкосновение совсем недавно вследствие расселения на запад *columbianus*, при этом характер их репродуктивных взаимоотношений на Чукотке пока остаётся неясным. Есть данные, что на значительных выборках как евразийских, так и американских тундровых лебедей удаётся подобрать непрерыв-

ный ряд переходов от фенотипически чистых *bewickii* до чистых *columbianus* (Evans, Sladen 1980), однако птицы евразийских популяций, тем не менее, достаточно однотипны, а наличие ограниченного числа особей с переходными признаками не может рассматриваться в качестве свидетельства широкой интерградации между ними.

Для окончательного решения вопроса о статусе малого и американского тундровых лебедей требуется дальнейшее накопление данных о репродуктивных взаимоотношениях этих форм в зоне пространственного контакта на Чукотке, а также проведение ДНК-анализа особей из удалённых от этой зоны частей гнездового ареала. На нынешнем этапе нам представляется более оправданным, вопреки последним рекомендациям AERC TAC (2003), но вслед за Е.С.Птушенко (1952) и Л.С.Степаняном (1975, 1990, 2003) рассматривать эти формы под биноминальными названиями *Cygnus columbianus* и *Cygnus bewickii* в рамках категории *superspecies*.

Членов группировки синьг *Melanitta nigra sensu lato* в большинстве зарубежных источников считают парапатричными расами, указывая при этом на отсутствие промежуточных экземпляров между ними (AERC TAC 2003). Однако, учитывая область симпатрии этих форм, как минимум в дельте Лены, по данным отечественных авторов (Птушенко 1952; Степанян 1975, 1990, 2003), отсутствие фенотипических гибридов говорит скорее о видовом статусе этих форм. Эта точка зрения вновь начинает встречаться в западной литературе (Livezey 1995a; Gantlett *et al.* 1996; Sangster *et al.* 1997).

В последние годы некоторые зарубежные авторы возвращаются и к подробной трактовке группировки турпанов *Melanitta fusca sensu lato*. Главным образом на основе морфологических признаков (Livezey 1995a) признаётся самостоятельность монотипического обыкновенного турпана *Melanitta fusca* и горбоносого турпана *Melanitta deglandi* с двумя подвидами *M. d. steinegeri* и *M. d. deglandi*. При этом считается, что гнездовые ареалы этих форм в основном разобщены, а их фенотипические гибриды по сей день неизвестны (AERC TAC 2003). В целом же ситуацию с турпанами допустимо трактовать как кольцевой ареал с пространственно разобщёнными конечными звеньями (американский подвид горбоносого турпана *M. d. deglandi* морфологически меньше отличается от обыкновенного турпана, чем сибирский *M. d. steinegeri*), однако, ввиду изолированности американской формы, такая трактовка не подкреплена фактами. На нынешнем этапе нам представляется наиболее правильным рассматривать данную группировку в качестве надвидового комплекса типа *superspecies*, включающего два *allospecies* — *Melanitta fusca* и *M. deglandi*. Проведение ДНК-анализа представителей этой группировки, а также уточнение их пространственных отношений в малоизученных в настоящее время районах Средней Сибири

позволит сделать окончательные выводы в отношении их таксономического статуса.

В случае с группировкой чирков-свистунков *Anas crecca sensu lato* по-прежнему дискуссионным остаётся таксономический статус **зеленокрылого чирка** *Anas (crecca) carolinensis*. Значительная близость внешних морфологических признаков последнего и евразийского чирка-свистунка, а также представления об их полной аллопатрии указывают на необходимость возвращения форме *carolinensis* статуса географической расы *Anas crecca*. С другой стороны, очень сильное внешнее сходство обеих форм явно маскирует районы их совместного обитания. Полное же отсутствие среди коллекционных материалов с Чукотского полуострова экземпляров с промежуточными признаками (при наличии целого ряда фенотипически чистых *carolinensis*), пока заставляет нас воздержаться от такого решения. Кроме того, новейшие данные молекулярной филогенетики представителей этой группы со всей определённостью указывают на значительную обособленность *carolinensis* от евразийской формы (Johnson, Sorenson 1998; Sangster *et al.* 2001, 2002), а также на большую близость к *crecca* алеутской расы *nitia* (предварительные результаты анализа митохондриальной ДНК, Kevin G. McCracken). Следует подчеркнуть, что эти результаты полностью отражают вариант таксономической трактовки, принятый в работах Л.С.Степаняна (1990, 2003).

Иная ситуация вырисовывается с комплексом **чёрных казарок**. Л.С.Степанян (1975, 1983, 1990, 2003) разделяет его на два вида – политипический *Branta bernicla* (в составе форм *bernicla* и *hrota*) и монотипический *Branta nigricans*. В свете новых данных о пространственном контакте и гибридизации восточносибирских популяций комплекса (Сыроечковский 1995), от такого решения, по-видимому, следует отказаться. Учитывая уровень гибридизации форм *nigricans* и *hrota* в Канаде (Boyd *et al.* 1988) и географическую изоляцию последней от номинативной формы, форма *nigricans* заслуживает выделения в самостоятельный вид не больше, чем *hrota*. Очевидно, на настоящем этапе нам также следует вернуться к трактовке всех трёх форм в качестве конспецифичных, входящих в состав единого вида *B. bernicla*, как это и принято в большинстве классификаций. К сходным выводам пришёл Е.Е.Сыроечковский-младший (1995). Альтернатива этому решению – выделение трёх самостоятельных видов с неполной репродуктивной изоляцией – *B. hrota*, *B. bernicla* и *B. nigricans* – в составе надвидового комплекса типа *superspecies* (Sangster *et al.* 1997). Такая «дробительская» трактовка поддержана Комиссией по систематике авифауны Нидерландов, однако отклонена AERC TAC (2003) на основании изучения большого числа литературных источников, посвящённых этому вопросу.

В отношении одного из наиболее крупных политипических видов среди гусеобразных – **канадской казарки** в настоящее время высказывается мнение о необходимости разделения её географических рас на две группировки – большую *Branta canadensis* и малую *B. hutchinsii* канадских казарок, которым явно следует придавать видовой статус. Этот подход базируется в первую очередь на результатах анализа митохондриальной ДНК (Shields, Wilson 1987; Quinn *et al.* 1991; Baker, Marshall 1997) и подтверждается данными морфометрических исследований (Van Wagner, Baker 1990). Результаты данных исследований обнаруживают чёткое подразделение представителей данного комплекса на две линии – «крупных» (*fulva, interior, maxima, moffiti, occidentalis, parvipes, canadensis*) и «мелких» казарок (*leucopareia, minima, taverneri, hutchinsii*). При этом форм, занимающих в какой-либо мере промежуточное положение, выявлено не было.

Кроме того, данные ДНК-анализа указывают на парафилию *B. canadensis sensu lato*, т.к. обнаруживают значительно большее сходство крупных канадских казарок с гавайской казаркой *B. sandvicensis*, мелких – с белощёкой *B. leucopsis*, нежели между собой (Sangster *et al.* 1998; Sorenson *et al.* 1999; Paxinos *et al.* 2002). Параллельный морфологический анализ и исследование митохондриального генома контрольного участка (Pearce *et al.* 2000) 45 особей формы *parvipes*, 69 *occidentalis*, 18 *fulva*, 16 *moffitti*, 8 *taverneri*, 8 *leucopareia* и 20 *minima* не выявил существования экземпляров, фенотипическая принадлежность которых не соответствовала бы генотипу, что прямо указывает на отсутствие обмена генами между представителями этих двух группировок, несмотря на парапатрию их гнездовых ареалов и симпатрию в некоторых областях зимовок (где преимущественно и образуются пары). Исключение составил лишь один экземпляр (из штата Вашингтон), обладавший морфологическими признаками *B. c. taverneri*, но имевший генотип крупных казарок. Не исключено, что здесь имела место неточность в определении (AERC TAC 2003), но даже если в данном случае была исследована особь гибридного генезиса, это не противоречит представлениям о существовании репродуктивной изоляции между ними. Если принять это подразделение, на территории России зафиксированы оба вида: *B. canadensis* – залёты на северо-запад Европейской России и спорадическое гнездование на Валааме (интродуцированная в Европе популяция *B. c. maxima*, возможно с примесью *B. c. canadensis*), единственный залёт в район Анадыря (*B. c. occidentalis*); *B. hutchinsii* – единственный залёт на остров Беринга (*B. h. minima*), гнездование в прошлом на Командорских и, возможно, северных Курильских островах, ныне там же – залёты и целенаправленный выпуск в природу разведённых в неволе птиц (*B. h. leucopareia*).

Группировка гусей **гуменников** *Anser fabalis sensu lato*, характе-

ризующаяся необычайно широкой как географической, так и индивидуальной изменчивостью, исторически вызывала немалые трудности у систематиков. Сложности состояли не только в оценке таксономического ранга реально существующих форм, но в самом их количестве. Так, например, А.Я.Тугаринов (1932) признавал существование двух видов: монотипического короткоклювого гуменника *Melanonyx brachyrhynchus* и собственно гуменника *M. fabalis*, объединяющего 5 географических рас. С.А.Бутурлин (1935) признавал 10 реально существующих форм в составе четырёх видов, два из которых рассматривались как монотипические. Наконец, Л.С.Степанян (1975, 1990, 2003) стоял на максимально «объединительской» позиции, объединяя всех гуменников в один вид с 5 подвидами.

Исходя из накопившейся на настоящий момент информации, несомненно, следует признать видовую самостоятельность короткоклювого гуменника *Anser brachyrhynchus*. По некоторым данным ДНК-анализа, эта форма оказалась даже ближе к пискульке *Anas erythrorus*, чем к остальным гуменникам (Ruokonen *et al.* 2000). В отношении же других форм гуменников, которым в некоторых статьях (главным образом молекулярного направления) также придаётся статус видов, на наш взгляд, пока стоит придерживаться традиционной точки зрения.

Трактовки географических рас

Отдельная группа вопросов систематики отечественных гусеобразных касается проблем географической изменчивости некоторых видов.

Малый лебедь *Cygnus bewickii* sensu stricto в некоторых работах рассматривается как политипический вид с двумя подвидами: западным *C. b. bewickii* и восточным *C. b. jankowskyi*, граница между которыми, в значительной мере условно, проводится на участке от Таймыра до долины реки Лены. Различия этих рас заключаются в общих размерах, ширине и расцветке клюва (Бутурлин 1935; Птушенко 1952 и др.). Вместе с тем, существует мнение о неправомерности выделения географических рас у этого вида, поскольку форма и размеры клюва у птиц различных географических популяций подвержены значительной индивидуальной изменчивости, а общие размеры возрастают клинально в направлении с запада на восток (Тугаринов 1932, 1941). Такая точка зрения выглядит более оправданной, особенно учитывая то, что ареал малого лебедя – это непрерывный континуум гнездовых популяций без какого-либо географического разрыва. Нам представляется более правильным, вслед за Л.С.Степаняном (1975, 1990, 2003), рассматривать данный вид в качестве монотипического.

В некоторых современных сводках (Dickinson 2003) **серый гусь** *Anser anser* рассматривается в качестве политипического с двумя подвидами: *A. a. anser*, занимающим западную часть гнездового ареала, и

A. a. rubrirostris, распространённым в южных и восточных частях Палеарктики. При этом ни одним из отечественных исследователей правомерность выделения подвидов у данного вида никогда не признавалась (Бутурлин 1935; Тугаринов 1932, 1941; Птушенко 1952; Степанян 1975, 1990, 2003). Кроме того, даже в тех случаях, когда самостоятельность этих мнимых географических рас и признаётся (Dickinson 2003), из приводимых данных по распространению совершенно невозможно понять, каким именно образом эти формы пространственно взаимодействуют друг с другом. По нашему мнению, этот вид должен рассматриваться в качестве монотипического.

Для **белолобого гуся** *Anser albifrons* в настоящее время признаётся существование 5 географических рас (Dickinson 2003), при этом популяции северо-востока Сибири рассматриваются как принадлежащие к форме *A. a. frontalis*, населяющей также северные и западные районы Аляски. Данное утверждение нуждается в проверке на более обширном материале (в первую очередь, коллекционном).

Дальнейшее накопление и обработка материала по межпопуляционной изменчивости необходимы для ещё двух видов, склонных к широкому географическому формообразованию. Это **гуменник** *Anser fabalis* и **обыкновенная гага** *Somateria mollissima*. Хотя в настоящее время уже уточнены диагнозы и детали распространения 4 основных форм *A. fabalis* и 6 географических рас *S. mollissima* (Емельянов 2000; Dickinson 2003; Коблик, Редькин 2004), морфологическая специфика локальных популяционных группировок внутри этих подвидов нуждается в тщательном анализе.

Дополнительного изучения требуют морфологические особенности восточносибирских популяций морской чернети *Aythya marila*. Вопреки утвердившемуся в отечественной литературе мнению о монотипичности данного вида (Исаков 1952; Степанян 1975, 1990, 2003), реальность окрасочных отличий птиц с северо-востока Евразии подтверждается при просмотре коллекционных материалов. Для обозначения морских чернетей этих популяций обычно использовалось имя *mariloides* Vigors, 1839 (Бутурлин 1935; Кищинский 1980), однако впоследствии было показано, что оно является младшим синонимом малой морской чернети *Aythya affinis* (Eyton, 1838) (Banks 1986). Вопрос о том, отличаются ли чернети из Северной Америки, рассматривающиеся в качестве самостоятельного подвида *A. m. nearctica* Stejneger, 1885 от птиц северо-востока Азии, пока остаётся открытым. Согласно одной точке зрения (Бутурлин 1935), эти группы популяций действительно обладают устойчивым набором признаков, а значит, в этом случае азиатская форма должна получить новое имя. В случае, если таких отличий установить не удастся, на птиц из Восточной Сибири должно распространяться название *A. m. nearctica*, как это сделано в ряде

работ (Banks 1986; Carboneras 1992; Dickinson 2003).

Необходимо уточнить также подвидовую принадлежность **больших крохалей**, встречающихся на крайнем северо-востоке Азии, где с высокой долей вероятности может быть обнаружена американская раса этого вида – *Mergus merganser americanus* Cassin, 1852.

Предлагаемые изменения позволяют несколько сблизить отечественную таксономическую систему гусеобразных с общепринятыми в мире и в то же время сохранить «особое мнение» по поводу ряда представителей нашей фауны. Авторы вовсе не считают свои предложения окончательными. На наш взгляд, систематика должна уходить от застывших на десятилетия форм и более гибко реагировать на появление новых концепций и фактических данных. Упорядочение номенклатуры гусеобразных, выработка единых таксономических подходов – одна из целей созданной в 2002 году Фаунистической комиссии при Рабочей группе по гусеобразным Северной Евразии (РГГ).

В дополнение мы приводим список гусеобразных отечественной фауны с учётом таксономических решений, которые аргументированы в настоящей статье. В этом списке мы также рекомендуем в качестве приоритетных для употребления наиболее удачные, на наш взгляд, русские названия видов, приводим наиболее часто встречающиеся в литературе синонимы. Остановившись на том или ином названии в качестве основного, мы опирались на устоявшиеся традиции отечественной номенклатуры, сравнивали и анализировали опубликованные системы русских имён гусеобразных (Мензбир 1895; Бутурлин 1935; Исаков 1952; Птушенко 1952; Иванов 1976; Степанян 1975, 1990, 2003; Бёме, Флинт 1994; Флинт 1995; Ильяшенко 2001). Предложенные нами названия обсуждали члены Фаунистической комиссии РГГ и внесли ряд существенных корректив. Тем не менее, мы полагаем, что этот список, как в его таксономической части, так и в части, касающейся русских названий, должен стать предметом более широкой дискуссии российских орнитологов.

Список видов Гусеобразных Anseriformes фауны России

Рекомендуемое русское название	Латинское название ¹	Подрод ²	Синонимы и диалектные названия	Статус в России ³
Лебедь-шипун	<i>Cygnus olor</i> (J. F. Gmelin, 1789)	<i>Cygnus</i>	Шипун	Гн.
Лебедь-кликун	<i>Cygnus cygnus</i> (Linnaeus, 1758)	<i>Olor</i>	Кликун	Гн.
Лебедь-трубач	<i>Cygnus buccinator</i> Richardson, 1832	<i>Olor</i>	Трубач	Зал.
Малый лебедь	<i>Cygnus bewickii</i> Yarrell, 1830 [<i>Cygnus columbianus bewickii</i>]	<i>Olor</i>	Тундровый лебедь	Гн.
Американский лебедь	<i>Cygnus columbianus</i> (Ord, 1815)	<i>Olor</i>	Американский тундровый лебедь	Гн.

Продолжение таблицы

Рекомендуемое русское название	Латинское название ¹	Подрод ²	Синонимы и диалектные названия	Статус в России ³
Сухонос	<i>Anser cygnoides</i> (Linnaeus, 1758) [<i>Cygnopsis cygnoides</i>]	<i>Cygnopsis</i>	Китайский гусь	Гн.
Гуменник ⁴	<i>Anser fabalis</i> (Latham, 1787)	<i>Anser</i>		Гн.
Короткоклювый гуменник	<i>Anser brachyrhynchus</i> Baillon, 1834 [<i>A. fabalis brachyrhynchus</i>]	<i>Anser</i>		Зал.
Белолобый гусь	<i>Anser albifrons</i> (Scopoli, 1769)	<i>Anser</i>	Белолобик, казара, большая белолобая казарка	Гн.
Пискулька	<i>Anser erythropus</i> (Linnaeus, 1758)	<i>Anser</i>	Малая белолобая казарка	Гн.
Серый гусь	<i>Anser anser</i> (Linnaeus, 1758)	<i>Anser</i>		Гн.
Горный гусь	<i>Anser indicus</i> (Latham, 1790) [<i>Eulabeia indica</i>]	<i>Eulabeia</i>	Индийский гусь	Гн.
Белый гусь	<i>Anser caerulescens</i> (Linnaeus, 1758) [<i>Chen caerulescens</i>]	<i>Chen</i>	Голубой гусь (голубая морфа), снежный гусь	Гн.
Гусь Росса	<i>Anser rossii</i> Cassin, 1861 [<i>Chen rossii</i>]	<i>Chen</i>		Зал. (неподтв. ?)
Белошей	<i>Anser canagicus</i> (Sevastianov, 1802) [<i>Philacte canagica</i>]	<i>Philacte</i>	Императорский гусь	Гн.
Канадская казарка ⁵	<i>Branta canadensis</i> (Linnaeus, 1758)	<i>Branta</i>	Ед. гн., зал. интр. в Европе популяции (<i>maxima</i>), Зал. (<i>occidentalis</i>)	
Малая канадская казарка ⁶	<i>Branta hutchinsii</i> (Richardson, 1832) [<i>Branta canadensis</i>, ssp. <i>hutchinsii</i>. <i>minima</i>, <i>leucooareaia</i>, <i>asiatica</i>, <i>taverneri</i>]	<i>Branta</i>	Зал., выпуск птиц вольерного разведения (<i>leucopareia</i>), Зал. (<i>minima</i>)	
Белощёкая казарка	<i>Branta leucopsis</i> (Bechstein, 1803)	<i>Branta</i>		Гн.
Чёрная казарка ⁷	<i>Branta bernicla</i> (Linnaeus, 1758) [<i>B. bernicla</i> + <i>B. nigricans</i>]	<i>Branta</i>	Тихоокеанская казарка, американская казарка	Гн.
Краснозобая казарка	<i>Branta ruficollis</i> (Pallas, 1769) [<i>Rufibrenta ruficollis</i>]	<i>Rufibrenta</i>		Гн.
Огарь	<i>Tadorna ferruginea</i> (Pallas, 1764)	<i>Casarca</i>	Обыкновенный огарь, красная утка, атайка	Гн.
Пеганка	<i>Tadorna tadorna</i> (Linnaeus, 1758)	<i>Tadorna</i>	Атайка (ошибочно?)	Гн.
Хохлатая пеганка	<i>Tadorna cristata</i> (N.Kuroda, Sr., 1917)	<i>Pseudotadorna</i>		Зал.? (вымер?)
Мандаринка	<i>Aix galericulata</i> (Linnaeus, 1758)	<i>Dendronessa</i>	Японка, желудёвка	Гн.
Свизь	<i>Anas penelope</i> Linnaeus, 1758	<i>Mareca</i>	Обыкновенная свизь, свияга, свизь	Гн.
Американская свизь	<i>Anas americana</i> J. F. Gmelin, 1789	<i>Mareca</i>		Зал., ед. гн. (?)
Касатка	<i>Anas falcata</i> Georgi, 1775	<i>Eunetta</i>	Косатка	Гн.
Серая утка	<i>Anas strepera</i> Linnaeus, 1758	<i>Chaulelasmus</i>	Серуха	Гн.

Продолжение таблицы

Рекомендуемое русское название	Латинское название ¹	Подрод ²	Синонимы и диалектные названия	Статус в России ³
Чирок-свистун	<i>Anas crecca</i> Linnaeus, 1758	<i>Nettion</i>	Свистун, чирок-половой	Гн.
Зеленокрылый чирок	<i>Anas carolinensis</i> J. F. Gmelin, 1789 [<i>Anas crecca carolinensis</i>]	<i>Nettion</i>	Каролинский чирок	Зал.
Клоктун	<i>Anas formosa</i> Georgi, 1775	<i>Nettion</i>	Чирок-клоктун, марадушка, квохта	Гн.
Кряква	<i>Anas platyrhynchos</i> Linnaeus, 1758	<i>Anas</i>	Обыкновенная кряква, кряковая утка, материк	Гн.
Чёрная кряква	<i>Anas poecilorhyncha</i> J.R.Forster, 1781	<i>Anas</i>	Пестроносая кряква, желтоклювая кряква	Гн.
Шилохвость	<i>Anas acuta</i> Linnaeus, 1758	<i>Dafila</i>		Гн.
Чирок-трескунок	<i>Anas querquedula</i> Linnaeus, 1758	<i>Querquedula</i>	Трескунок, чирок-коростелёк	Гн.
Широконоска	<i>Anas clypeata</i> Linnaeus, 1758	<i>Spatula</i>	Соксун	Гн.
Мраморный чирок	<i>Marmaronetta angustirostris</i> (Menetries, 1832) [<i>Anas angustirostris</i>]		Узконосый чирок	Гн.
Красноносый нырок	<i>Netta rufina</i> (Pallas, 1773)	<i>Netta</i>		Гн.
Парусиновый нырок	<i>Aythya valisineria</i> (A. Wilson, 1814)		Длинноносый нырок, длинноносая чернеть	Зал.
Американский красноголовый нырок	<i>Aythya americana</i> (Eyton, 1838)		Американская чернеть, американская красноголовая чернеть	Зал.
Красноголовый нырок	<i>Aythya ferina</i> (Linnaeus, 1758)		Красноголовая чернеть, голубая чернеть	Гн.
Белоглазый нырок	<i>Aythya nyroca</i> (Güldenstädt, 1770)		Белоглазая чернеть	Гн.
Бэров нырок	<i>Aythya baeri</i> (Radde, 1863)		Нырок Бэра, чернеть Бэра	Гн.
Кольчатый нырок	<i>Aythya collaris</i> (Donovan, 1809)		Кольчатая чернеть, ошейничко вая чернеть	Зал. (неподтв. ?)
Хохлатая чернеть	<i>Aythya fuligula</i> (Linnaeus, 1758)		Хохлатый черныш	Гн.
Морская чернеть	<i>Aythya marila</i> (Linnaeus, 1761)		Белобок	Гн.
Малая морская чернеть	<i>Aythya affinis</i> (Eyton, 1838)		Американская морская чернеть	Зал.
Обыкновенная гага	<i>Somateria mollissima</i> (Linnaeus, 1758)	<i>Somateria</i>		Гн.
Гага-гребенушка	<i>Somateria spectabilis</i> (Linnaeus, 1758)	<i>Somateria</i>	Гребенушка	Гн.
Очковая гага	<i>Somateria fischeri</i> (J.F.Brandt, 1847)	<i>Lampronetta</i>	Фишера гага	Гн.
Сибирская гага	<i>Polysticta stelleri</i> (Pallas, 1769)		Стеллерова гага, малая гага	Гн.
Синьга	<i>Melanitta nigra</i> (Linnaeus, 1758)		Обыкновенная синьга	Гн.
Американская синьга	<i>Melanitta americana</i> (Swainson, 1832) [<i>Melanitta nigra americana</i>]			Гн.

Окончание таблицы

Рекомендуемое русское название	Латинское название ¹	Подрод ²	Синонимы и диалектные названия	Статус в России ³
Пестроносый турпан	<i>Melanitta perspicillata</i> (Linnaeus, 1758)		Белолобая синьга	Ед. гн., зал.
Горбоносый турпан	<i>Melanitta deglandi</i> (Bonaparte, 1850) [<i>M. fusca deglandi</i> + <i>M. fusca stejnegeri</i>]			Гн. (<i>stejnegeri</i>) Зал. (<i>deglandi</i>)
Турпан	<i>Melanitta fusca</i> (Linnaeus, 1758)		Обыкновенный турпан	Гн.
Каменушка	<i>Histrionicus histrionicus</i> (Linnaeus, 1758)			Гн.
Морянка	<i>Clangula hyemalis</i> (Linnaeus, 1758)			Гн.
Малый гоголь	<i>Bucephala albeola</i> (Linnaeus, 1758)	<i>Bucephala</i>	Гоголь-головастик	Зал.
Гоголь	<i>Bucephala clangula</i> (Linnaeus, 1758)	<i>Glaucionetta</i>	Обыкновенный гоголь	Гн.
Исландский гоголь	<i>Bucephala islandica</i> (J.F.Gmelin, 1789)	<i>Glaucionetta</i>		Зал.
Луток	<i>Mergellus albellus</i> (Linnaeus, 1758) [<i>Mergus albellus</i>]	<i>Mergellus</i>	Малый крохаль	Гн.
Капюшоновый крохаль	<i>Mergellus cucullatus</i> (Linnaeus, 1758) [<i>Lophodytes cucullatus</i>]	<i>Lophodytes</i>	Хохлатый крохаль	Зал. (неподтв. ?)
Длинноносый крохаль	<i>Mergus serrator</i> Linnaeus, 1758	<i>Mergus</i>	Средний крохаль	Гн.
Чешуйчатый крохаль	<i>Mergus squamatus</i> Gould, 1864	<i>Mergus</i>		Гн.
Большой крохаль	<i>Mergus merganser</i> Linnaeus, 1758	<i>Mergus</i>		Гн.
Савка	<i>Oxyura leucocephala</i> (Scopoli, 1769)	<i>Oxyura</i>	Белоголовая савка, белолицая савка	Гн.

1 – при несовпадении трактовок: в квадратных скобках – по Л.С.Степаняну (2003) или по E.C.Dickinson (2003); 2 – для политипических родов с разработанной системой подродов; 3 – гнездование, единичное гнездование, залёты и др.; 4 – у ряда видов гусеобразных отечественной фауны широко используются русские названия географических форм (до 8 у гуменника, см. Бутурлин 1935). С целью унификации мы рекомендуем в качестве основных названия, наиболее отвечающие особенностям распространения и морфологическим чертам этих форм. Для гуменника: западный таёжный гуменник (подвид *fabalis*); восточный таёжный гуменник (подвид *middendorffii*); западный тундровый гуменник (подвид *rossicus*); восточный тундровый гуменник (подвид *serrirostris*); 5 – для канадской казарки: большая канадская казарка (подвид *maxima*); западная канадская казарка (подвид *occidentalis*); 6 – для малой канадской казарки: алеутская казарка (подвид *leucopareia*); малая канадская казарка (подвид *minima*); 7 – для чёрной казарки: обыкновенная чёрная казарка (подвид *bernicla*); тихоокеанская чёрная казарка (подвид *nigricans*); светлобрюхая чёрная казарка, (подвид *brotia*).

Литература

- Бёме Р.Л., Флинт В.Е. 1994. *Пятиязычный словарь названий животных. Птицы. Латинский–русский–английский–немецкий–французский*. М.: 1-845.
- Бутурлин С.А. 1935. Гагаровые, веслоногие, цапли, пластинчатоклювые, куриные, пастушковые, триперстки // *Полный определитель птиц СССР*. М.; Л., 2: 1-278.
- Емельянов В.И. 2000. Морфометрический анализ гуменника как основа охраны и рационального использования гусей Приенисейской Сибири // *Бюл. Красноярск. регион. молодёжного экол. обществ. движения «За сохранение природного наследия»*. Красноярск, 1: 1-122.

- Иванов А.И. 1976. *Каталог птиц СССР*. Л.: 1-275.
- Ильяшенко В.Ю. 2001. *Таксономический и правовой статус наземных позвоночных животных России*. М.: 1-150.
- Исаков Ю.А. 1952. Подсемейство утки // *Птицы Советского Союза*. М., 4: 344-635.
- Кищинский А.А. 1980. *Птицы Корякского нагорья*. М.: 1-336.
- Кищинский А.А. 1988. *Орнитофауна северо-востока Азии*. М.: 1-288.
- Кищинский А.А., Злотин Р.И., Флинт В.Е. 1975. Гнездование американского лебедя (*Cygnus columbianus*) в Советском Союзе // *Зоол. журн.* **65**, 10: 1525-1528.
- Коблик Е.А., Редькин Я.А. 2004. Базовый список гусеобразных (Anseriformes) мировой фауны // *Казарка* **10**: 15-46.
- Мензбир М.А. 1895. *Птицы России*. М., 1: I-CVIII, 1-836.
- Птушенко Е.С. 1952. Отряд гусеобразные. Подсемейство гусиные // *Птицы Советского Союза*. М., 4: 247-344.
- Панов Е.Н. 1989. *Гибридизация и этологическая изоляция у птиц*. М.: 1-512.
- Поповкина А.Б., Поярков Н.Д. 2002. История исследований филогенетических отношений и построения систем гусеобразных (Anseriformes) // *Казарка* **8**: 41-77.
- Степанян Л.С. 1975. *Состав и распределение птиц фауны СССР: Неворобьиные Non-Passeriformes*. М.: 1-371.
- Степанян Л.С. 1983. *Надвиды и виды-двойники в авифауне СССР*. М.: 1-294.
- Степанян Л.С. 1990. *Конспект орнитологической фауны СССР*. М.: 1-728.
- Степанян Л.С. 2003. *Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области)*. М.: 1-808.
- Сыроечковский Е.Е.-мл. 1995. О таксономическом статусе тихоокеанской чёрной казарки *Branta bernicla nigricans* // *Бюл. рабочей группы по гусеобразным Восточной Европы и Северной Азии* **1**: 68-72.
- Тугаринов А.Я. 1932. *Утки, гуси, лебеди и крохали*. Л.: 1-75.
- Тугаринов А.Я. 1941. *Пластинчатоклювые*. М.; Л.: 1-383 (Фауна СССР. Птицы. Т. 1. Вып. 4).
- Тугаринов А.Я., Козлова Е. В. 1951. Отряд Anseriformes – Пластинчатоклювые // *Птицы СССР*. М.; Л., 1: 90-156.
- Флинт В.Е. 1995. *Каталог наземных позвоночных животных России*. М.: 1-102.
- AERC TAC (Taxonomic Advisory Committee of the Association of European Records and Rarities Committees) 2003. *AERC TAC's Taxonomic Recommendations*. Online version: www.aerc.be
- AOU (American Ornithologists' Union) 1983. *Check-list of North American Birds*. 6th ed. Baltimore: 1-877.
- AOU (American Ornithologists' Union) 1998. *Check-list of North American Birds*. 7th ed. Lawrence: 1-890.
- Baker A.J., Marshall H.D. 1997. Mitochondrial control region sequences as tools for understanding evolution // *Avian molecular evolution and systematics*. San Diego: 51-82.
- Banks R.C. 1986. Subspecies of the Greater Scaup and their names // *Wilson Bull.* **98**, 3: 433-444.
- BOURC (British Ornithologists' Union Records Committee) 1996. 23rd Report (July 1996) // *Ibis* **139**: 197-201.
- Boyd H., Maltby L.S., Reed A. 1988. Differences in the plumage patterns of Brant breeding in High Arctic Canada // *Can. Wildlife Serv. Progress Note* **174**: 1-9.
- Carboneras C. 1992. Family Anatidae (Ducks, Geese and Swans) // *Handbook of the Birds of the World*. Vol. 1. / del Hoyo J., A.Elliott, J.Sagratal (eds.). Barcelona: 536-628.
- Delacour J., Mayr E. 1945a. The family Anatidae // *Wilson Bull.* **57**: 3-55.
- Delacour J., Mayr E. 1945b. Supplementary notes on the family Anatidae // *Wilson Bull.* **58**: 104-110.

- Dickinson E. C. (ed.) 2003. *The Howard & Moore Complete Checklist of the Birds of the World*. 3rd ed. London: 1-1039.
- Donne-Gousse C., Laudet V., Hänni C. 2002. A molecular phylogeny of Anseriformes based on mitochondrial DNA analysis // *Mol. Phyl. Evol.* **23**: 339-356.
- Evans M.E., Sladen W.J.L. 1980. A comparative analysis of bill-markings of Wistling and Bewick's Swans and out-of-range occurrences of the two taxa // *Auk* **97**, 3: 697-703.
- Gantlett S., Harrap S., Millington R. 1996. Taxonomic progress // *Birding World* **9**: 251-252.
- Gillham E., Gillham B. 1996. *Hybrid ducks. A contribution towards an inventory*. Hytne, Kent, Hythe Printers Ltd.: 1-88.
- Gray A.P. 1958. *Bird hybrids. A check-list with bibliography*. Alva: 1-390.
- Howard R. and Moore A. 1991. *A Complete Checklist of the Birds of the World*. 2nd ed. London; New York: VII-XXXIV, 1-622.
- Humphrey P.S. 1958. Classification and systematic position of the eiders // *Condor* **60**: 129-135.
- Johnsgard P.A. 1978. *Ducks, Geese and Swans of the World*. Univ. Nebraska Press: I-XXII, 1-404.
- Johnsgard P.A. 1979. Order Anseriformes // *Checklist of birds of the world*. Vol. 1. 2nd ed. / E.Mayr, C.W.Cottrell (eds). Cambridge, Massachusetts: 425-506.
- Johnson K.P., Sorenson M.D. 1998. Comparing molecular evolution in two mitochondrial protein coding genes (cytochrome b and ND2) in the dabbling ducks (tribe Anatini) // *Mol. Phyl. Evol.* **10**, 1: 82-94.
- Livezey B.C. 1986. A phylogenetic analysis of recent Anseriform genera using morphological characters // *Auk* **103**, 4: 737-754.
- Livezey B.C. 1991. A phylogenetic analysis and classification of recent dabbling ducks (tribe Anatini) based on comparative morphology // *Auk* **108**, 3: 471-507.
- Livezey B.C. 1995a. Phylogeny and evolutionary ecology of modern seaducks (Anatidae, Mergini) // *Condor* **97**, 1: 233-255.
- Livezey B.C. 1995b. Phylogeny and comparative ecology of stiff-tailed ducks (Anatidae, Oxurini) // *Wilson Bull.* **107**, 2: 214-234.
- Livezey B.C. 1995c. A phylogenetic analysis of the whistling and white-backed ducks (Anatidae, Dendrocygninae) using morphological characters // *Annals of Carnegie Museum* **64**, 1: 65-97.
- Livezey B.C. 1996a. A phylogenetic analysis of modern pochards (Anatidae, Aythyini) // *Auk* **113**, 1: 74-93.
- Livezey B.C. 1996b. A phylogenetic analysis of geese and swans (Anseriformes, Anserinae), including selected fossil species // *Syst. Biol.* **45**, 4: 415-450.
- Livezey B.C. 1996c. A phylogenetic reassessment of the Tadornine-Anatine divergence (Aves, Anseriformes, Anatidae) // *Annals of Carnegie Museum* **65**, 1: 27-88.
- Livezey B.C. 1997a. A phylogenetic analysis of modern sheldgeese and shelducks (Anatidae, Tadornini) // *Ibis* **139**, 1: 51-66.
- Livezey B.C. 1997b. A phylogenetic classification of waterfowl (Aves, Anseriformes), including selected fossil species // *Annals of Carnegie Museum* **66**, 4: 457-496.
- Livezey B.C. 1997c. A phylogenetic analysis of basal Anseriformes, the fossil *Presbyornis*, and the interordinal relationships of waterfowl // *Zool. J. Linn. Soc.* **121**: 361-428.
- Morony J.J. Jr., Bock W.J., Farrand J. Jr. 1975. *Reference list of the Birds of the World*. New-York: III-X, 1-207.
- Paxinos E.E., James H.F., Olson S.L., Sorenson M.D., Jackson J., Fleischer R. 2002. MtDNA from fossils reveals a radiation of Hawaiian Geese recently derived from the Canada Goose // *Proc. Nat. Acad. Sci. USA* **99**: 1399-1404.

- Pearce J.M., Pierson B.J., Talbot S.L., Derksen D.V., Kraege D., Scribner K.T. 2000. A genetic evaluation of morphology used to identify harvested Canada geese // *J. Wildlife Manage.* **64**: 863-874.
- Quinn T.W., Shields G.F., Wilson A.C. 1991. Affinities of the Hawaiian Goose based on two types of mitochondrial DNA data // *Auk* **108**, 3: 585-593.
- Ruokonen M., Kvist L., Lumme J. 2000. Close relatedness between mitochondrial DNA from seven Anser goose species // *J. Evol. Biol.* **13**: 532-540.
- Sangster G., Hazevoet C.J., van den Berg A.B., Roselaar C.S. 1997. Dutch avifaunal list: taxonomic changes in 1977-1997 // *Dutch Birding* **19**: 21-28.
- Sangster G., Hazevoet C.J., Van den Berg A.B., Roselaar C.S. 1998. Dutch avifaunal list: species concepts, taxonomic instability, and taxonomic changes in 1998 // *Dutch Birding* **20**: 22-32.
- Sangster G., Collinson M., Helbig A.J., Knox A.G., Parkin D.T., Prater T. 2001. The taxonomic status of Green-winged Teal *Anas carolinensis* // *Brit. Birds* **94**: 218-226.
- Sangster G., Knox A.G., Helbig A.J., Parkin D.T. 2002. Taxonomic recommendations for European birds // *Ibis* **144**: 153-159.
- Sibley Ch.G., Monroe B.L. Jr. 1990. *Distribution and Taxonomy of Birds of the World*. Yale Univ. Press: I-XXIV, 1-1111.
- Shields G.F., Wilson A.C. 1987. Subspecies of Canada goose (*Branta canadensis*) have distinct mitochondrial DNA's // *Evolution* **41**: 662-666.
- Sorenson M.D., Cooper A., Paxinos Quinn T.W., James H.F., Olson S.L., Fleischer R.C. 1999. Relationships of the extinct moa-nalos, flightless Hawaiian waterfowl, based on ancient DNA // *Proc. Roy. Soc. London. Ser. B.* **266**: 2187-2194.
- Syroechkovski E.E. Jr. 2002. Distribution and population estimates for swans in the Siberian Arctic in the 1990s // *Waterbirds* **25**. Spec. Publ., 1: 100-113.
- Van Wagner C.E., Baker A.J. 1990. Association between mitochondrial DNA and morphological evolution in Canada geese // *J. Mol. Evol.* **31**: 373-382.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1288: 1827-1831

Сравнительный анализ летнего населения водоплавающих птиц в Северо-Казахстанской области в 2014 и 2015 годах

В.С.Вилков, И.А.Зубань, М.Н.Калашников

Владимир Семёнович Вилков, Иван Александрович Зубань, Михаил Николаевич Калашников.

Кафедра общей биологии, Северо-Казахстанский государственный университет им. М.Козыбаева, ул. Пушкина, д. 86, Петропавловск, 150000, Казахстан. E-mail: vsvilkov@mail.ru; zuban_ia@mail.ru; janajmwjakamd@mail.ru

Поступила в редакцию 24 апреля 2016

В основу данной работы положены результаты полевых исследований на водоёмах Северо-Казахстанской области летом (июль-август) в 2014-2015 годах. Учёты проводились на постоянных маршрутах, включающих разные типы водоёмов как по минерализации, так и структуре

зарастания. В общей сложности мониторинговыми исследованиями охвачены 67 водоёмов, на территории 9 административных районов (Аккайынский, Тайыншинский, М.Жумабаева, Кызылжарский, Мамлютский, Жамбылский, Тимирязевский, Шал акына и Есильский). В основу оценки численности водоплавающих птиц был положен метод учёта с контрольных точек. В зависимости от условий наблюдения и величины обследуемого озера на каждом закладывались от 1 до 5 точек учёта. На ряде водоёмов (озёра Балыкты, Кумдыколь и др.) с плохими условиями для обзора с берега, проводился учёт с лодки.

В процессе учётов использовали бинокли «Юкон» и «Wiking» 10-12-кратного увеличения, а также подзорные трубы «Wiking» с увеличением 20×60 и 20×100. Координаты водоёмов, для последующего изучения космоснимков, определяли по навигатору. Одновременно описывались погодные условия и основные характеристики водоёмов – площадь, тип зарастания, уровень воды, статус водоёма. Учитывались и факторы антропогенного воздействия.

За два года зарегистрировано 56085 особей 25 видов птиц, относящихся к 5 отрядам (табл. 1).

Таблица 1. Результаты учёта водоплавающих птиц на водоёмах Северо-Казахстанской области летом 2014 и 2015 годов (особей)

Виды	2014	2015	Виды	2014	2015
<i>Gavia arctica</i>	2	15	<i>Anas strepera</i>	7633	339
<i>Podiceps nigricollis</i>	189	931	<i>Anas penelope</i>	4634	501
<i>Podiceps auritus</i>	0	12	<i>Anas acuta</i>	1226	92
<i>Podiceps grisegena</i>	77	106	<i>Anas querquedula</i>	1837	271
<i>Podiceps cristatus</i>	236	86	<i>Anas clypeata</i>	12133	177
<i>Pelecanus crispus</i>	4	0	<i>Netta rufina</i>	7	310
<i>Phalacrocorax carbo</i>	96	0	<i>Aythya ferina</i>	389	4392
<i>Anser anser</i>	474	435	<i>Aythya fuligula</i>	74	267
<i>Cygnus olor</i>	4	211	<i>Bucephala clangula</i>	67	274
<i>Cygnus cygnus</i>	154	284	<i>Oxyura leucocephala</i>	40	6
<i>Tadorna tadorna</i>	14	158	<i>Mergus albellus</i>	0	2
<i>Anas platyrhynchos</i>	20	62	<i>Fulica atra</i>	1022	1107
<i>Anas crecca</i>	15703	12	Всего	46035	10050

Характерной особенностью рассматриваемых лет было изменение гидрологического режима, чётко направленное на наполнение озёр по сравнению с предыдущими годами. В результате сочетания ряда факторов: дождливая осень, длительное отсутствие снежного покрова (повлëкшее промерзание почвы), большое количество снега зимой и раннее его таяние, – в озёра и болота попало большое количество воды. При этом если в 2014 году уровень водного зеркала повысился на 20-30 см, то в следующем он достиг почти максимального показателя для

многих котловин. В этих условиях произошло изменение качества водно-болотных угодий: увеличились мелководные зоны вдоль побережья, заросшие различными видами осок *Carex*, камышом озёрным *Scirpus lacustris*, редким тростником *Phragmites communis* и другой растительностью. На акватории озёр уменьшилась площадь зарослей надводной растительности, изменилась их структура. При этом там, где ещё год-два назад были сплошные заросли тростника и рогоза *Typha angustifolia*, образовались системы протоков и плёсов. Увеличилась общая площадь открытых участков воды и их глубина.

В этих условиях было отмечено изменение как общего числа птиц на водоёмах, так и соотношение их видов.

В 2015 году, несмотря на увеличение площади водоёмов, количество птиц рассматриваемой группы, по сравнению с предыдущим годом, в учётах сильно сократилось и составило всего 10050 особей против 46035, т.е. произошло уменьшение в 4.6 раза. При этом количество зарегистрированных видов осталось на прежнем уровне – 23. Одной из наиболее вероятных причин снижения численности является изменение качества водоёмов в результате их наполнения и, соответственно, перераспределение птиц по другим водоёмам как в пределах изучаемой области, так и за её пределами.

Анализ состава орнитофауны показал, что доминирующее положение в оба года занимал отряд Гусеобразные, но если в 2014 году было учтено 44409 особей, а их доля в общем населении составила 96.41%, то при максимальном наполнении водоёмов в 2015 году – всего 7793 особи, или 77.44% от общей численности (табл. 2). Таким образом, в последний год количественные характеристики отряда сократились в 5.7 раза. При этом уменьшилась и доля в общем населении за счёт увеличения показателей других отрядов.

Таблица 2. Структура летнего населения водоплавающих птиц Северо-Казахстанской области в 2014-2015 годах

Отряды	2014 год		2015 год		Всего:	
	Всего, ос.	Доля, %	Всего, ос.	Доля, %	Всего, ос.	Доля, %
Gaviiformes	2	0.004	15	0.14	17	0.03
Podicipediformes	502	1.08	1135	11.27	1637	2.92
Pelecaniformes	100	0.208	0	0	100	0.18
Anseriformes	44409	96.41	7793	77.44	52202	93.08
Gruiformes	1022	2.22	1107	11.01	2129	3.79
Всего:	46035	100	10050	100	56085	100

Из гусеобразных в 2015 году своей численностью выделялась только голубая чернеть *Aythya ferina*. Было учтено 4392 особи, что составило 56.35% населения гусеобразных. Указанное количество в 11 раз превышает 2014 год, когда было зарегистрировано всего 389 особей этого

вида. Подобная ситуация, а именно рост численности, отмечен в 2015 году и для других представителей нырковых уток. Так, у гоголя *Vulpes clangula* она увеличилась до 274 особей, что в 4.1 раза больше предыдущего года, у хохлатой чернети *Aythya fuligula* до 267, или в 3.6 раза. Однако наибольший рост численности демонстрировал красноносый нырок *Netta rufina* – в 44.3 раза (310 особей).

Из речных уток в 2015 году наибольшие показатели численности были характерны только для свиязи *Anas penelope* – 501 особь. При этом, по сравнению с прошлым годом, когда этот показатель составлял 4634 особи, отмечено сильное сокращение – в 9.2 раза. Уменьшилась и её доля в населении – с 10.43% до 6.4%. Чирок-свистунок *Anas crecca*, широконоска *Anas clypeata* и серая утка *Anas strepera*, которые в прошлые годы возглавляли список ведущих видов гусеобразных, в текущем году были малочисленны или даже редки. Так, свистунков за лето 2015 года встречено всего 12 особей, что в 1308.6 раза меньше предыдущего, когда было учтено 15703 особи, при доле в населении 35.35%. По этому показателю свистунок занимал первое место в отряде. В 68.5 раза сократилась численность широконоски, в 22.5 раза – серой утки, в 6.8 – чирка-трескунка *Anas querquedula*. Лишь один вид речных уток – кряква *Anas platyrhynchos* – показала незначительный рост: с 20 до 62 особей. Такая же тенденция отмечена у двух видов лебедей – *Cygnus cygnus* и *C. olor* – с 158 до 495 особей.

В 2015 году отмечено сокращение численности ещё одного представителя рассматриваемого отряда – серого гуся *Anser anser* – до 435 особей против 474 в 2014 году. Но на фоне значительного сокращения количества речных уток его доля в общей структуре увеличилась до 5.58% (с 0.1%). Таким образом, в 2015 году среди гусеобразных отмечено резкое сокращение численности речных уток – до 1424 особи против 43186 в 2014 году. Одновременно увеличилось количество нырковых уток: до 5243 против 534 особей годом раньше.

Кроме гусеобразных, в 2015 году на водоёмах отмечено присутствие водоплавающих птиц ещё 4 отрядов: Gaviiformes, Podicipediformes, Pelecaniformes и Gruiformes, которые по численности многократно уступали Anseriformes. Среди них вторым по количественному показателю был отряд поганок – 1135 особей, или 11.27% от общего населения. По сравнению с предыдущим годом количество птиц выросло в 2.3 раза, а доля в населении – в 10.4 раза. Самой массовой оказалась черношейная поганка *Podiceps nigricollis* – 82.02% (931 особь), хотя в 2014 году доминировала чомга *Podiceps cristatus* – 47.0% (236 особей). Серощёкой поганки *Podiceps grisegena* зарегистрировано 106 особей, или 9.33%. Ещё меньше встречено чомг – 86 (7.57%).

Из вышеизложенного следует, что и в данном отряде произошли заметные изменения. Прежде всего, за счёт образовавшихся мелково-

дий, пригодных для её гнездования, резко возросла численность черношейной поганки (в 4.9 раза) и одновременно уменьшилось в 2.7 раза количество чомги. В 2015 году стало больше серощёкой поганки и появилась красношейная *Podiceps auritus*.

Следующим по численности в 2015 году стал представитель отряда журавлеобразных – лысуха *Fulica atra*. Было учтено 1107 особей, что составило 11.01% от общего населения. Количественный показатель по сравнению с 2014 практически не изменился, но доля в общем населении выросла в 5 раз.

Самым малочисленным в 2015 году был отряд гагар, представленный чернозобой гогой *Gavia arctica*, численность, которой составила 15 особей (0.14%). По сравнению с предыдущим годом отмечено увеличение в 7.5 раза.

Представителей веслоногих в 2015 году не отмечено, хотя в предыдущем году в учётах они присутствовали в количестве 100 особей.

Подводя итоги, можно констатировать, что при значительном наполнении котловин озёр водой изменение видового состава водоплавающих птиц не наблюдается. В тоже время для разных групп этих птиц тенденции в динамике численности прямо противоположны: значительный рост численности наблюдался у нырковых уток; умеренный – у поганок; незначительный – у лебедей и гагар. Резкое сокращение численности отмечено у речных уток и веслоногих. Указанные изменения происходят на фоне общего сокращения численности.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1288: 1831-1836

Находки некоторых редких и охраняемых птиц в Суздальском районе Владимирской области

Т.С.Девяткина

Таусия Сергеевна Девяткина. Посёлок Новый, Суздальский район, Владимирская область, Россия.
E-mail: petrovaira.11@yandex.ru

Поступила в редакцию 30 апреля 2016

Наблюдения за птицами проводились нами в 2008-2015 годах в северной части Суздальского района Владимирской области. Север Суздальского района делится текущей с севера на юг рекой Нерль и её правым притоком рекой Ирмес на две части. Территория восточнее Нерли (левобережная) и часть нерлинского правобережья севернее Ирмеса относится к Нерлинско-Уводской низменности (Романов 2013).

Территория западнее Нерли и южнее Ирмеса (включая город Суздаль) относится к Владимирскому ополью (Романов 2008). Владимирское ополье представлено на рассматриваемой территории своей северо-восточной частью, «ландшафтным ядром». Это наиболее плодородная, максимально подвергшаяся распашке (полями и залежами занято около 60% территории) и безлесная (лесистость менее 10%) территория ополья (Трифорова, Романов 2000; Романов 2008).

Сведения об особенностях авифауны рассматриваемой нами территории содержатся в ряде публикаций (Романов, Захаренко 2006; Захаренко, Романов 2009; Романов и др. 2012; Романов 2014; 2016; Романов, Сергеев 2012; Сергеев, Романов 2012 и др.).

В ходе регулярных наблюдений в городе Суздале и его ближайших окрестностях (посёлок Новый и др.), а также отдельных экскурсий в окрестностях сёл Владимирского ополья (Кидекша, Красное, Романово, Крапивье, Кибол, Янёво, Гавриловское, Цибеево) и принерлинской части Нерлинско-Уводской низменности (Ляховицы, Менчаково) было обнаружено несколько редких видов птиц, занесённых в Красную книгу Владимирской области и Приложение к Красной книге области, а также несколько редких пролётных и зимующих видов. Находки редких видов в большинстве случаев подтверждены фотосъёмкой.

Серая цапля *Ardea cinerea*. Регулярно отмечается в поймах рек Нерль и Каменка. Например, в 2012 году одиночные особи наблюдались 16 апреля, 26 мая и 19 июня пролетающими над рекой Нерль близ турбазы в 2.5 км к северо-востоку от села Менчаково; 18 апреля 2013 ещё одна особь пролетела над рекой Нерль у села Кидекша; 15 апреля 2013 – 1 особь пролетела над лугом в пойме реки Каменки у села Крапивье.

Белый аист *Ciconia ciconia*. 8 мая 2012 1 аист пролетел над рекой Нерль у села Кидекша.

Лебедь-кликун *Cygnus cygnus*. 25 марта 2014 – 8 птиц пролетели над посёлком Новый; с ними же в одной стае летел гуменник *Anser fabalis*.

Полевой лунь *Circus cyaneus*. 10 апреля 2009 самец пролетел над полем у села Крапивье; 31 мая 2012 в том же районе отмечена самка.

Кобчик *Falco vespertinus*. 18 июля 2010 наблюдалась взрослая самка и молодая птица на проводах у дороги близ села Кидекша.

Чеглок *Falco subbuteo*. 20 мая 2012 чеглок пролетел над лесом близ турбазы в 2.5 км к северо-востоку от села Менчаково.

Обыкновенная пустельга *Falco tinnunculus*. 2 мая 2011 самец пролетел над рекой Каменкой у села Крапивье; 2 июля 2011 отмечено гнездование пары на крыше церкви Флора и Лавра в селе Кибол.

Серая куропатка *Perdix perdix*. 10 марта 2013 семь куропаток кормились на снегу у села Крапивье.

Серый журавль *Grus grus*. Пролётные журавли наблюдались весной над посёлком Новый: 10 апреля 2009 – 3; 7 апреля 2011 – 1 птица; 21 апреля 2011 – 2 небольшие стаи по 5-7 птиц. Кроме того, 11 апреля 2011 три журавля пролетели над селом Цибеево.

Тулес *Pluvialis squatarola*. 19 сентября 2010 отмечена одна птица на берегу реки Нерль у села Красное.

Золотистая ржанка *Pluvialis apricaria*. 8 августа 2010 одна ржанка пролетела над рекой Нерль у села Красное.

Кулик-сорока *Haematopus ostralegus*. 20-21 апреля 2012 и 9 июня 2013 одиночные особи отмечались у старого моста через реку Каменку близ села Крапивье.

Фифи *Tringa glareola*. 4 августа 2010 две птицы кормились у водоёма в пойме реки Нерль близ турбазы в 2.5 км к северо-востоку от села Менчаково; 8 августа 2010 один фифи наблюдался на берегу реки Нерль примерно в том же районе; 24 августа 2011 там же отмечена молодая птица; 2 августа 2012 примерно там же наблюдалась 1 пролетающая особь; 17 июля 2013 одиночная молодая особь наблюдалась на берегу пруда в 800 м восточнее моста через реку Каменку у автодороги Суздаль – Янёво.

Большой улит *Tringa nebularia*. 8 августа 2010 один улит пролетел над рекой Нерль близ турбазы в 2.5 км к северо-востоку от Менчаково; 10 августа 2012 там же наблюдались 6 беспокоящихся особей.

Травник *Tringa totanus*. Отмечается повсеместно на пойменных лугах и по берегам водоёмов в весенне-летний период. Например, некоторые встречи: 4 апреля 2010 – 1 особь на луже близ села Крапивье; 16 мая 2010 – пара у воды в пойме реки Нерль близ турбазы в 2.5 км к северо-востоку от Менчаково; 15 августа 2010 – около 5 птиц примерно на том же месте; 24 апреля 2011 – 3 птицы кормились на Ильинском лугу в Суздале; 9 июня 2013 – 1 травник встретился на берегу пруда в 800 м восточнее моста через Каменку у автодороги Суздаль – Янёво; 12 июня 2014 – возле того же пруда отмечена 1 беспокоящаяся птица.

Поручейник *Tringa stagnatilis*. В 2011-2014 годах отмечалось нерегулярное гнездование 1-2 пар у пруда в 800 м восточнее моста через Каменку у автодороги Суздаль – Янёво. В 2011 году здесь отмечено гнездование 2 пар: 4 и 7 июля наблюдались лётные выводки. В 2013 году встречена молодая птица 17 июля; в 2014 году наблюдалась беспокоящаяся пара 12 июня. В 2010, 2012 и 2015 годах при обследовании данного водоёма в весенне-летний период поручейники не обнаружены. В 2015 году в связи с прекращением выпаса скота и обмелением водоёма данный биотоп стал малоприспособленным для обитания поручейника и некоторых других видов куликов. Ещё одна встреча поручейника зарегистрирована 9 июня 2013: пара пролетела над рекой Нерль близ турбазы в 2.5 км к северо-востоку от Менчаково.

Турухтан *Philomachus pugnax*. 9 мая 2014 самец в брачном оперении отмечен на берегу пруда в 800 м восточнее моста через Каменку у автодороги Суздаль – Янёво.

Большой кроншнеп *Numenius arquata*. Вероятно, гнездится в числе не менее 4 пар на полях и в пойме реки Каменки близ села Крапивье. Токование отмечалось здесь в 2012 году (20, 27 апреля и 2 мая), а также 15 апреля 2015; каждый раз наблюдалось 4 токующих птицы.

Большой веретенник *Limosa limosa*. В 2010 году отмечено гнездование 2 пар возле пруда в 800 м восточнее моста через Каменку у автодороги Суздаль – Янёво: 14 и 26 июня здесь наблюдалось территориальное поведение взрослых птиц, отмечались молодые особи; 22 июля 2012 на том же месте встречена стайка из 6 больших веретенников. Пролётные стайки по 6-8 птиц наблюдались также в пойме Каменки близ Крапивье весной 2012 года (20 и 27 апреля, 2 мая) и 15 апреля 2015.

Хохотунья *Larus cachinnans*. В 2013-2015 годах большие белогловые чайки, по морфологическим признакам соответствующие хохотунье, отмечались на Ильинском лугу в Суздале. Впервые встречена 1 птица в начале апреля 2013 года; в 2014-2015 годах эти чайки отмечались здесь уже в числе 2 пар. Несколько раз в апреле-мае наблюдалось брачное поведение – птицы присаживались на крыши примыкающих к лугу зданий и издавали долгие «хохочущие» крики. 5 апреля 2015 наблюдался территориальный конфликт (пара отгоняла соперника) на крыше Тихвинской церкви на улице Шмидта; позже на этом месте держалось уже 2 токующие пары. Одиночные особи также отмечались в ближайших окрестностях Суздаля (например, 29 апреля 2013 в селе Ивановское и 7 апреля 2015 в посёлке Новый). Летом хохотунья нами не наблюдалась, гнездование достоверно не зафиксировано, молодых особей также не встречено.

Белокрылая крачка *Chlidonias leucopterus*. В 2010-2014 годах существовала постоянная гнездовая колония численностью 5-10 пар на пруду в 800 м восточнее моста через Каменку у автодороги Суздаль – Янёво. В 2010 году здесь отмечено 10 беспокоящихся пар 26 мая, а 26 июня – те же 10 пар с выводками (около 20 молодых птиц). 7 июля 2011 наблюдалось 20 взрослых птиц и около 30 молодых; 2 августа 2012 – 5 взрослых особей и 10 молодых птиц; 17 июля 2013 – 5 пар и 6-8 молодых птиц. В 2014 году отмечено около 10 взрослых птиц 9 мая, а в июле – 20-22 молодых особи. В 2015 году белокрылая крачка на данном водоёме не отмечена.

Обыкновенная горлица *Streptopelia turtur*. 28 июня 2012 одна горлица отмечена на проводах у дороги в 1 км к северо-востоку от села Менчаково.

Белая сова *Nyctea scandiaca*. 18 февраля 2015 наблюдалась в по-

сёлке Новый, была атакована в полёте серой вороной *Corvus cornix*.

Болотная сова *Asio flammeus*. 2 мая 2011 три птицы летали над полем близ села Крапивье.

Длиннохвостая неясыть *Strix uralensis*. 22 января 2011 задремавшая на дереве птица наблюдалась близ Суздальского автовокзала в селе Михали.

Золотистая щурка *Merops apiaster*. 6 июня 2009 около 30 птиц кормились майскими жуками на высоких тополях на садовых участках близ села Красное. На следующий день на том же месте этих птиц уже не обнаружено.

Седой дятел *Picus canus*. 20 февраля 2011 самец прилетал на кормушку для птиц в посёлке Новый и клевал развешенные на дереве куски сала; 17 октября 2012 самец кормился на дереве около деревни Зернево.

Трёхпалый дятел *Picoides tridactylus*. Весной 2009 года дважды (9 и 14 марта) наблюдался самец, кормящийся на стволах деревьев вдоль берега реки Каменки в районе улицы Шмидта в Суздале.

Желтоголовая трясогузка *Motacilla citreola*. 18 августа 2010 самка отмечена на берегу реки Нерль близ села Красное; 13 мая 2011 самец встречен у реки Нерль близ турбазы в 2.5 км к северо-востоку от села Менчаково; 4 мая 2012 самец был встречен на берегу реки Ирмес у села Романово.

Серый сорокопут *Lanius excubitor*. 11 сентября 2012 поющий самец наблюдался на проводах у дороги близ деревни Лопатницы; 23 февраля 2013 один сорокопут сел на берёзу в посёлке Новый.

Кедровка *Nucifraga caryocatactes*. 5 августа 2008 пять кедровок кормились на опушке леса близ турбазы в 2 км к северо-востоку от села Менчаково. Ранее мы также несколько раз встречали кедровок, в том числе одна особь отмечена в гнездовой период – в конце мая 2001 года в 1 км к западу от села Кидекша.

Ястребиная славка *Sylvia nisoria*. 7 июля 2009 самка кормилась на опушке леса близ турбазы в 2 км к северо-востоку от Менчаково.

Лесной жаворонок *Lullula arborea*. 2 мая 2009 два поющих самца отмечены на деревьях на опушке леса близ села Ляховицы.

Пуночка *Plectrophenax nivalis*. Дважды наблюдались стайки у дороги близ села Гавриловское: 21 марта 2011 – около 20 особей, 26 января 2013 – примерно 30 птиц.

Литература

- Захаренко К.А., Романов В.В. 2009 . О влиянии колониального поселения озёрных чак на особенности химического состава почв в условиях Владимирского ополья // *Вестн. Оренбург. ун-та* **6** (112): 147-152.
- Романов В.В. 2008. *Ландшафты Владимирской области. Ч.1. Ландшафты Смоленско-Московской провинции*. Владимир: 1-20.

- Романов В.В. 2013. *Ландшафты Владимирской области. Ландшафты Мещерской провинции*. Владимир: 1-136.
- Романов В.В. 2014. Птицы редких урочищ Владимирского ополья // *Рус. орнитол. журн.* **23** (1046): 2818-2821.
- Романов В.В. 2016. Особенности распространения садовой овсянки *Emberiza hortulana* во Владимирской области в конце XX – начале XXI веков // *Рус. орнитол. журн.* **25** (1269): 1181-1182.
- Романов В.В., Быков Ю.А., Сербин В.А. 2012. О некоторых редких видах птиц Владимирской области // *Рус. орнитол. журн.* **21** (771): 1545-1547.
- Романов В.В., Захаренко К.А. 2006. Некоторые особенности фауны и населения птиц окрестностей Суздаля // *Бутурлинский сборник: Материалы 2-х Бутурлинских чтений*. Ульяновск: 358-268.
- Романов В.В., Сергеев М.А. 2012. Некоторые результаты мониторинга численности и распространения видов птиц, включённых в приложение к Красной книге Владимирской области // *Особо охраняемые природные территории и объекты Владимирской области и сопредельных регионов: Материалы 1-й межрегион. науч.-практ. конф. «Мониторинг и сохранение особо ценных природных территорий и объектов Владимирской области и сопредельных регионов»*. Владимир: 141-147.
- Сергеев М.А., Романов В.В. 2012. Новые сведения о распространении некоторых видов птиц отрядов гагарообразные, аистообразные, соколообразные, ржанкообразные и воробьеобразные, занесённых в Красную книгу Владимирской области // *Особо охраняемые природные территории и объекты Владимирской области и сопредельных регионов: Материалы 1-й межрегион. науч.-практ. конф. «Мониторинг и сохранение особо ценных природных территорий и объектов Владимирской области и сопредельных регионов»*, Владимир: 156-163.
- Трифонова Т.А., Романов В.В. 2000. Почвенно-ландшафтное районирование Владимирского ополья // *Почвоведение* 9: 1047-1053.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1288: 1836-1837

О залётах фламинго *Phoenicopterus roseus* в Киргизию

С.В.Кулагин, А.Н.Осташенко, С.С.Сагымбаев

*Второе издание. Первая публикация в 2015**

В Киргизии фламинго *Phoenicopterus roseus* является редкой залётной птицей. Залёт четырёх фламинго на юго-восточное побережье озера Иссык-Куль отмечен осенью 1954 года (Янушевич и др. 1959). Зимой 1969/70 года на Иссык-Куле двух фламинго видели на юго-западном берегу в районе залива Ак-Олен (Кыдыралиев 1976). В январе 1999 года при проведении зимних учётов в западной части Иссык-

* Кулагин С.В., Осташенко А.Н., Сагымбаев С.С. 2015. О залётах фламинго (*Phoenicopterus roseus* Pallas, 1811) в Кыргызстан // *Selevinia*: 223.

Куля встречена пара фламинго, в феврале 2002 года в юго-западной части Иссык-Куля встречен один молодой.

29 октября 2015 в юго-восточной части озера Иссык-Куль встречены 16 фламинго, которые кормились на прибрежном болоте. В начале ноября там регистрировали только 4 особи, а болото было большей частью покрыто льдом. Два молодых фламинго, пролетевшие в южном направлении, вечером 15 октября 2015 отмечены на водохранилище Спартак в Чуйской долине. Птицы летели на высоте, не превышавшей 100 м. Вероятно, они сидели на берегу водохранилища и были испугнуты выстрелами охотников.

Л и т е р а т у р а

Кыдыралиев А.К. 1976. Водоплавающие и околоводные птицы Иссык-Кульского заповедника // *Тр. Иссык-Кульского заповедника*. Фрунзе: 24-44.

Янушевич А.И., Тюрин П.С., Яковлева И.Д., Кыдыралиев А.К., Семёнова Н.И. 1959. *Птицы Киргизии*. Фрунзе, 1: 1-229.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1288: 1837-1841

О первой гнездовой находке рябинника *Turdus pilaris* в Волго-Ахтубинской пойме (в пределах Калмыкии)

В.М.Музаев

*Второе издание. Первая публикация в 2007**

Область гнездования рябинника *Turdus pilaris* охватывает значительную часть Евразии от Скандинавии, долины Рейна и восточной Франции на западе до бассейна Алдана и долины Шилки на востоке (Степанян 2003), где этот вид заселяет лесную, лесостепную и, частично, лесотундровую зоны (Бёме и др. 1996; Рябицев 2001). Гнездовые местообитания рябинника – различные типы естественных и искусственных лесонасаждений (хвойные, лиственные, смешанные), включая приусадебные участки в посёлках, сады, городские парки и лесопарки; в южных частях ареала наиболее часто гнездится в поймах больших и малых рек.

Характерной особенностью гнездовых биотопов этого дрозда является сочетание древесно-кустарниковой растительности с открытыми

* Музаев В.М. 2007. О первой гнездовой находке рябинника в Волго-Ахтубинской пойме (в пределах Калмыкии) // *Стрелет* 5, 1/2: 94-98.

участками, где эти птицы преимущественно собирают корм. Гнездится рябинник, как правило, небольшими группами или колониями, насчитывающими от 2-3 до 10-15, реже больше гнездовых пар; нередко селится отдельными парами. На большей части ареала рябинник обычен, а местами и многочислен (Гладков 1954; Артемьев, Попов 1978; Мальчевский, Пукинский 1983; Завьялов и др. 1996; Рябицев 2001).

В конце 1940-х – начале 1950-х годов южную границу гнездования рябинника в европейской части бывшего СССР проводили приблизительно от Уральска в направлении Саратова, Воронежа и Полтавы (Дементьев и др. 1948; Гладков 1954). В 1970-е годы она проходила уже несколько южнее – по Саратовской, Воронежской, Полтавской и Киевской областям включительно (Иванов 1976). По Л.С.Степаняну (1978), в то время в пределах Украины вид гнездился на юг до 49-50-й параллелей (на Волыно-Подольской возвышенности, возможно, южнее), в долинах Волги и Урала до 51-й параллели. Указанные координаты охватывают и северные районы Волгоградской области, где рябинник тогда был редкой гнездящейся птицей (Кубанцев, Чернобай 1982). Таким он считается здесь и сейчас (Чернобай 2004).

Проведённое А.И.Ивановым и Л.С.Степаняном некоторое расширение границ гнездовой части ареала рябинника связано, несомненно, как с интенсификацией авифаунистических исследований в стране, так и с уже тогда имевшей место у этого вида тенденцией к расселению (Мальчевский, Пукинский 1983; Атлас... 2003). По литературным данным, в последние десятилетия отмечается заметное расселение этого дрозда в южном направлении, по крайней мере на юго-западе европейской части России. Так, в Ростовской области, где этот процесс наиболее прослежен, за 20-30 лет рябинник практически полностью заселил всю северную половину региона и дошёл уже до Нижнего Дона. Основные места его гнездования здесь – пойменные насаждения, граничащие с лугами (Белик, Ханин, Утянская 2000).

В свете сказанного, сделанная нами в 2006 году находка жилого гнезда дрозда-рябинника в средней части Волго-Ахтубинской поймы (47°36' с.ш., 46°42' в.д.) может служить, по-видимому, доказательством расселения этого вида также и вдоль поймы Волги по территории Волгоградской и Астраханской областей. Возможные причины спонтанного расселения рябинника и других видов птиц, имевшего место в XX веке и продолжающегося зачастую до сих пор, применительно главным образом к степному Придонию проанализированы В.П.Великом (2000).

Гнездо рябинника найдено 29 июля 2006 на острове Средний, расположенном среди Волги против посёлка Цаган Аман (Юстинский район Республики Калмыкия). Остров имеет наносное происхождение; начало его образования, по словам старожилов, относится к концу 1950-х –

началу 1960-х годов. Форма острова более или менее овальная, вытянутая с северо-запада на юго-восток. Его максимальные размеры в межень составляют примерно 1×2 км. Большая часть острова покрыта древесно-кустарниковой растительностью. В основном это тополь чёрный, или осокорь *Populus nigra* и ива белая *Salix alba*, представленные как спелыми насаждениями, с высотой древостоя до 10-15 и даже до 20 м, так и порослью, образующей местами почти непролазные чащи. Остальная часть острова занята протоками и лагунами, имеющими обычно песчаные берега и дно и частично или полностью пересыхающими к концу лета.

Гнездовой участок рябинников располагался недалеко от одного из затонов на краю густого ивняка, граничащего с небольшой поляной. Гнездо было построено на высоте 1.9 м от земли, довольно открыто, у вершины сломанного ствола в мутовке, образованной отходящими от него ветвями, с опорой на две расположенные наклонно довольно толстые ветки. Оно имело типичную для дроздов чашеобразную форму, внутренняя сторона его была полностью оштукатурена грязью. Размеры гнезда были следующими, см: диаметр гнезда по верхнему сцементированному краю 12-13, в наиболее широкой средней части 15-18, высота гнезда 11, диаметр лотка 10-11, глубина лотка с выстилкой – 8, без выстилки – 9.

В гнезде находились 4 взрослых, уже готовых к вылету птенца. Один из них покинул гнездо сразу, второй успел выскочить при попытке накрыть гнездо рукой, остальные были пойманы, сфотографированы и описаны. Судя по размерам, они были примерно одинакового возраста, полностью покрыты пером, маховые развернулись не менее чем на 2/3 их длины. К примеру, у одного из птенцов, при длине пятого первостепенного махового в 55 мм, длина развернувшейся части опахала составляла 40 мм. Длина сложенного крыла – 70 мм, длина хвоста – 40 мм. Яйцевого зуба у птенцов уже не было. Возраст таких птенцов составляет примерно 2 недели (Мальчевский 1959; личные наблюдения). Поскольку птенцы воробьиных птиц после вылета из гнезда обратно в него, как правило, уже не возвращаются, последнее было взято в коллекцию; оно хранится в музее местной гимназии.

Поведение родителей у гнезда было типичным для рябинников: всё время, пока мы находились на их гнездовом участке, птицы вели себя очень демонстративно и сильно беспокоились. Других дроздов или их гнёзд в данном районе ни в этот день, ни через две недели нам обнаружить не удалось. Поэтому мы предполагаем, что здесь имело место одиночное гнездование. В то же время это были не единственные рябинники на острове. Так, 12 августа нами были встречены 3 особи (пара и одиночка) ещё в двух местах в 300 м друг от друга, приблизительно в 400 и 300 м от места нахождения вышеописанного гнезда.

Обращают на себя внимание довольно поздние сроки гнездования найденной нами пары. Поскольку насиживание у рябинников, по литературным данным, длится 13-14 дней, а начало его может индивидуально варьировать (Maicatsch 1976), откладка яиц у «нашей» пары началась в последних числах июня – первых числах июля. Однако это не единственный случай. Позднее гнездование рябинника известно и в других частях ареала. Например, в Ленинградской области в самом позднем из найденных гнёзд первое яйцо было отложено 29 июня, а птенцы из него вылетели 30 июля (Мальчевский, Пукинский 1983). В Волжско-Камском крае свежие кладки встречаются до последних чисел июня (Артемьев, Попов 1978). Под Казанью 16 июля было найдено гнездо с ещё не оперёнными 4 птенцами (Гладков 1954).

До нашей находки рябинник в Калмыкии считался обычным на пролёте и редким на зимовке видом (Белик, Комаров, Музаев и др. 2006). Теперь же мы можем отнести этого дрозда к числу редких гнездящихся птиц Калмыкии.

Автор выражает искреннюю благодарность преподавателям Цаганаманской гимназии Н.О.Ходжаевой, Л.Б.Хамуровой, Т.С.Лазаревой и Б.С.Горяеву, бывшему ученику гимназии С.Лиджиеву, а также нынешним её учащимся Е.Муяновой, Д.Бадышевой, М.Семёновой за организацию выезда на остров и помощь в сборе материала.

Литература

- Атлас гнездящихся птиц Европы Европейского совета по учётам птиц: Сокращенная версия текстовой части на русском языке.* 2003. М.: 1-338.
- Артемьев Ю.Т., Попов В.А. 1978. Семейство дроздовые Turdidae // *Птицы Волжско-Камского края: Воробьиные.* М.: 70-94.
- Белик В.П. 2000. *Птицы степного Придонья.* Ростов-на-Дону: 1-376.
- Белик В.П., Комаров Ю.Е., Музаев В.М., Русанов Г.М., Реуцкий Н.Д., Тильба П.А., Поливанов В.М., Джамирзоев Г.С., Хохлов А.Н., Чернобай В.Ф. 2006. Орнитофауна Южной России: характер пребывания видов и распределение по регионам // *Стрепет* 4, 1: 5-35.
- Белик В.П., Ханин М.В., Утянская С.В. 2000. *Гнездящиеся птицы Ростовской области: Полевой определитель.* Ростов-на-Дону: 1-103.
- Бёме Р.Л., Динец В.Л., Флинт В.Е., Черенков А.Е. 1996. *Птицы. Энциклопедия природы России.* М.: 1-432.
- Гладков Н.А. 1954. Рябинник *Turdus pilaris* L. // *Птицы Советского Союза.* М., 6: 413-420.
- Дементьев Г.П., Гладков Н.А., Птушенко Е.С., Судиловская А.М., 1948. *Определитель птиц СССР.* М.: 1-450.
- Завьялов Е.В., Шляхтин Г.В., Капранова Т.А., Лобанов А.В., Табачишин В.Г. 1996. *Фауна птиц Саратовской области: Отряд Воробьинообразные – Passeriformes: Методическое пособие.* Саратов: 1-181.
- Иванов А.Н. 1976. *Каталог птиц СССР.* Л.: 1-276.
- Кубанцев Б.С., Чернобай В.Ф. 1982. *Птицы северных районов Нижнего Поволжья.* Волгоград: 1-72.
- Мальчевский А.С. 1959. *Гнездовая жизнь певчих птиц: Размножение и постэмбриональное развитие лесных воробьиных птиц Европейской части СССР.* Л.: 1-282.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана.* Л., 2: 1-504.

- Рябицев В.К. 2002. *Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель*. Екатеринбург: 1-608.
- Степанян Л.С. 1978. *Состав и распределение птиц фауны СССР: Воробьинообразные Passeriformes*. М.: 1-392.
- Степанян Л.С. 2003. *Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области)*. М.: 1-808.
- Чернобай В.Ф. 2004. *Птицы Волгоградской области*. Волгоград: 1-287.
- Макач W. 1976. *Turdus pilaris L. // Die Eier der Vögel Europas, Bd.2*. Leipzig; Radebeul: 191-192.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1288: 1841-1842

К гнездовой биологии филина *Vubo vubo* на Юго-Восточном Устюрте (Туркменистан)

В. П. Шубенкин

*Второе издание. Первая публикация в 1984**

Наблюдения проводились весной и летом 1982 года в Капланкырском заповеднике на южной окраине Устюрта (Северная Туркмения). На обследованной площади около 85 км² было найдено три гнезда филина *Vubo vubo*, находившихся друг от друга в 1.8-3.2 км. Гнёзда представляли собой ямки в песке диаметром 25-30 см и были устроены в нишах под плитами известняка на склонах карстовых воронок и оврагов.

Первое гнездо с кладкой из 5 яиц обнаружено 10 марта 1982, когда взрослые уже насиживали. Через два-три дня было отложено 6-е яйцо. Вылупление началось 1-2 апреля и с интервалами в 2-4 дня продолжалось до 13-15 апреля. Одно яйцо оказалось не оплодотворённым. В начале выкармливания взрослые регулярно делали запасы пищи (у гнезда постоянно лежало 6-9, иногда до 14 песчанок). Первый выход птенцов из гнезда зафиксирован 10 мая. Родители ежедневно отводили птенцов в новые укрытия на расстоянии 100 м, пытаясь, видимо, спрятать молодых от наблюдателей. 29 мая старшие птенцы могли перелетать расстояние до 40 м. В это время цвет радужины их глаз изменился с жёлтого на оранжевый. 3 июня два птенца свободно летали на расстояние более 100 м (длина крыла у них была 33.5 и 38.5 см). До конца наблюдений (26 июня) все 5 птенцов держались вместе.

Второе гнездо с 3 недавно вылупившимися птенцами и 1 наклюнутым яйцом найдено 12 апреля. Третье гнездо с 4 птенцами обнаружено

* Шубенкин В.П. 1984. К гнездовой биологии филина *Vubo vubo* на Юго-Восточном Устюрте // *Изучение и охрана заповедных объектов*. Алматы: 48-49.

3 мая. У самого большого птенца кисточки маховых достигали 40 мм. На следующий день взрослые увели их от гнезда на 15 м. До конца наблюдений все птенцы также держались вместе.

Во время кладки и насиживания вспугнутые филины молча отлетали на 50-70 м, обычно на противоположный склон оврага, где, усевшись на виду у человека, всячески привлекали его внимание громкими криками, распуская хвост и крылья, перебегая на новые места. Во время выкармливания птенцов родители вели себя незаметно. Когда птенцы стали летать, взрослые снова пытались отводить наблюдателя.

Питание филина в гнездовой сезон изучено по 95 погадкам (216 объектов) и 43 кормовым остаткам. На долю грызунов (краснохвостая *Meriones libycus* и большая *Meriones opimus* песчанки, жёлтый суслик *Citellus fulvus*) пришлось 88.1% общего количества пищевых остатков. Из других объектов ежи *Hemiechinus auritus* составляли 5.8% общего количества пищевых остатков, птицы (пустельга, серый жаворонок, рябки, саксаульная сойка) – 3.85%, заяц-толай *Lepus tolai* – 0.8%, беспозвоночные (фаланга, скорпион) – 1.5%.

Наши наблюдения не повлияли на успешность гнездования филинов. Уменьшение их численности происходит, на наш взгляд, не вследствие их природной асинантропности, а прямого преследования этих птиц человеком.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1288: 1842-1844

Осенний пролёт водоплавающих птиц на озере Большое Раковое

В.А.Москалёв

Второе издание. Первая публикация в 1974*

Озеро Большое Раковое расположено в центре Карельского перешейка, на трассе Беломорско-Балтийского пролётного пути. Оно имеет площадь 1650 га, мелководно, значительная его часть покрыта сплавидами.

На осеннем пролёте зарегистрировано 34372 птицы 15 видов. Наиболее массовый вид – морянка *Clangula hyemalis* (80.9%), затем – белолобый гусь *Anser albifrons* (3.3%), кряква *Anas platyrhynchos* (2.9%),

* Москалёв В.А. 1974. Осенний пролёт водоплавающих птиц на озере Большое Раковое // Материалы 6-й Всесоюз. орнитол. конф. М., 2: 189-191.

белощёкая казарка *Branta leucopsis* (2.5%), чёрная казарка *Branta bernicla* (2.3%), гагара *Gavia*, ближе не определённая (2%) и остальные виды (6.1%). Общее направление пролетающих стай – юго-запад или запад-юго-запад. Основная масса птиц пролетала с 28 сентября по 19 октября. Крупные стаи птиц, которые останавливались на озере в дни, закрытые для охоты, разгонялись в последующие дни охотниками, оставались лишь мелкие стайки или отдельные особи.

Лебедь-кликун *Cygnus cygnus* пролетал изредка небольшими стайками с 30 сентября по 25 октября (всего 145 особей). Гуменник *Anser fabalis* регистрировался в светлое время суток 23 сентября и с 12 по 19 октября (242 особи). Белолобый гусь летел с 29 сентября по 19 октября. Зарегистрировано 1130 птиц. Пискулька *Anser erythropus* наблюдалась лишь 1 октября (около 100 особей).

Белощёкая казарка пролетала с 9 по 24 октября (всего 857 птиц), а наибольшее количество (380) отмечалось 10 октября. Отдельные стайки белощёкой казарки, так же как и чёрной, останавливались на озере. Чёрная казарка наблюдалась с 30 сентября по 10 октября (всего 800 особей), а наибольшее количество (430) – 6 октября. 325 казарок не было определено до вида (чёрная или белощёкая).

Среди речных уток массовым видом была кряква. На пролёте самое большое количество зарегистрировано 28 сентября (200 птиц) и 10 октября (560 птиц). Значительно больше было остановившихся на озере крякв. 22 сентября держались около 1300 птиц, 30 сентября – около 1600 и до 6 октября на озере постоянно учитывалось около 1000 крякв. После открытия осенней охоты (7 октября) большинство уток было разогнано охотниками в первые же дни и до конца наблюдений кряква держалась в небольшом количестве. Другие речные утки (шилохвость *Anas acuta*, широконоска *Anas clypeata*, свиязь *Anas crecca*, чирок-трескунок *Anas querquedula*) наблюдались изредка в небольшом количестве.

Красноголовый нырок *Aythya ferina* на пролёте отмечался до 10 октября (стайки из 5-15 экз.). На озере наибольшее его количество (500 птиц) держалось 22 сентября. В последующие дни наблюдались кормящиеся стайки (из 10-20 экз.). Отдельные птицы встречались до 12 октября. Наибольшее количество хохлатой чернети *Aythya fuligula* пролетело 29 сентября (150 особей) и 9 октября (300 особей). Стайки из 10-30 птиц держались до 9 октября, а позднее (до 21 октября) – лишь единичные экземпляры. Морская чернеть *Aythya marila* с наблюдательного пункта не отмечалась, а наблюдалась на озере, где отдельные стайки из 30-60 птиц держались с 12 по 23 октября. Морянка появилась и держалась на озере 6 октября (16 птиц), а на пролёте отмечалась с 7 по 23 октября (27830 птиц). Наибольшее количество (16330) пролетело 10 октября.

Гоголь *Vesperhala clangula* был редким на пролёте и остановках на озере. Крохаль пролетал лишь один раз – 10 октября (20 птиц). Гагары наблюдались с 22 сентября по 11 октября (698 особей), наибольшее количество птиц (577) отмечено 9 октября. По-видимому, преобладала чернозобая гагара *Gavia arctica*, так как в некоторых случаях удавалось определить только этот вид.

Синьга *Melanitta nigra*, турпан *Melanitta fusca*, луток *Mergellus albellus* на пролёте не наблюдались, а отмечались лишь отдельные экземпляры, кормившиеся на озере. Только на кормёжке отмечалась и лысуха *Fulica atra* (стайки 20-30 птиц до 12 сентября).

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2016, Том 25, Экспресс-выпуск 1288: 1844-1845

К орнитофауне города Томска

С.П.Миловидов

Второе издание. Первая публикация в 1974*

С 1889 по 1972 год в городе Томске отмечено 190 видов птиц, относящихся к 38 семействам 15 отрядов. Воробьиные составляют 104 вида, ржанкообразные – 27, хищные птицы – 16, гусеобразные и совы – по 8, дятлы – 7, куриные – 5, журавлеобразные – 4, голенастые, голуби, стрижи и ракши – по 2, козодои, кукушки и поганки – по 1 виду. В городе гнездится 77 видов птиц.

Со зданиями и строениями человека связано 13 видов. Наиболее массовыми являются домовый воробей *Passer domesticus*, сизый голубь *Columba livia*, белопопый стриж *Apus pacificus*. Городская ласточка *Delichon urbica*, численность которой в 1962-1972 годах снизилась до 3 колоний, гнездится по каменным зданиям в южной части города. Плотность населения в застроенной части города колеблется от 20 до 60 пар на 1 га.

В садах и скверах города гнездится 12 видов птиц. Фоновыми являются: славка-завирушка *Sylvia curruca*, садовая камышевка *Acrocephalus dumetorum*, теньковка *Phylloscopus collybita*, обыкновенный скворец *Sturnus vulgaris*, обыкновенная чечевица *Carpodacus erythrinus*, садовая горихвостка *Phoenicurus phoenicurus* и ряд других. В крупных парках гнездится 60 видов птиц. Здесь обычны: сорока *Pica pica*, серая ворона *Corvus cornix*, весничка *Phylloscopus trochilus*, садовая

* Миловидов С.П. 1974. К орнитофауне города Томска
// Материалы 6-й Всесоюз. орнитол. конф. М., 2: 342-343.

славка *Sylvia borin*, лесной конёк *Anthus trivialis*, мухоловка-пеструшка *Ficedula hypoleuca*. Нерегулярно встречаются вертишейка *Jynx torquilla*, зяблик *Fringilla coelebs*, дубонос *Coccothraustes coccothraustes*, щегол *Carduelis carduelis*, чечётка *Acanthis flammea*, снегирь *Pyrrhula pyrrhula*, соловей-красношейка *Luscinia calliope*, белобровик *Turdus iliacus*, рябинник *Turdus pilaris*, иволга *Oriolus oriolus*, овсянки обыкновенная *Emberiza citrinella* и белошапочная *E. leucosephala*.

На пустырях и в карьерах гнездится 12 видов птиц: черноголовый чекан *Saxicola torquata*, жёлтая трясогузка *Motacilla flava*, овсянка-дубровник *Emberiza aureola*, обыкновенная каменка *Oenanthe oenanthe*, коростель *Crex crex* и ряд других. В зарослях высокостебельных сорняков устраивают гнёзда коноплянка *Acanthis cannabina*, бормотушка *Hippolais caligata* и варакушка *Luscinia svecica*. На крупных пустырях отмечено гнездование степного конька *Anthus richardi* и полевого жаворонка *Alauda arvensis* со средней плотностью 1-2 пары на 1 га.

В период миграций город посещает 53 вида птиц. Здесь встречаются: чёрный коршун *Milvus migrans*, полевой лунь *Circus cyaneus*, сарыч *Buteo buteo*, перепелятник *Accipiter nisus*, чеглок *Falco subbuteo*, вальдшнеп *Scolopax rusticola*, козодой *Caprimulgus europaeus*, удод *Upupa epops*, синехвостка *Tarsiger cyanurus*, соловьи – синий *Luscinia cyane* и свистун *L. sibilans*, пеночки – корольковая *Phylloscopus proregulus*, толстоклювая *Ph. schwarzi* и зарничка *Ph. inornatus*, завирушки – черногорлая *Prunella atrogularis* и сибирская *P. montanella*, пёстрый дрозд *Zoothera varia*, овсянка-ремез *Emberiza rustica* и ряд других. Вдоль реки Томи идёт интенсивный пролёт ряда видов куликов и чаек. Осенью обычны: черныш *Tringa ochropus*, турухтан *Philomachus pugnax*, белохвостый песочник *Calidris temminckii*, большой улит *Tringa nebularia*.

Во время осенне-зимних кочёвок в Томске ежегодно встречается 15 и нерегулярно 23 вида птиц. Парки и сады города посещают: свиристель *Bombus garrulus*, кедровка *Nucifraga caryocatactes*, дятлы – трёхпалый *Picoides tridactylus*, седой *Picus canus*, белоспинный *Dendrocopos leucotos*, малый пёстрый *Dendrocopos minor* и желна *Dryocopus martius*, князёк *Parus cyanus*, московка *Parus ater*, ополовник *Aegithalos caudatus*, сойка *Garrulus glandarius*, щур *Pinicola enucleator*, пищуха *Certhia familiaris*, королёк *Regulus regulus*, мохноногий сыч *Aegolius fenereus*, неясыти – уральская *Strix uralensis* и бородатая *S. nebulosa*. На сточных водоёмах и в районе мясокомбината зимует чёрная ворона *Corvus corone* и ворон *C. corax*. Формируется зимующая популяция рябинника. В годы с хорошим урожаем кормов на зиму остаются дубонос, темнозобый дрозд *Turdus atrogularis*, чиж *Spinus spinus*.

